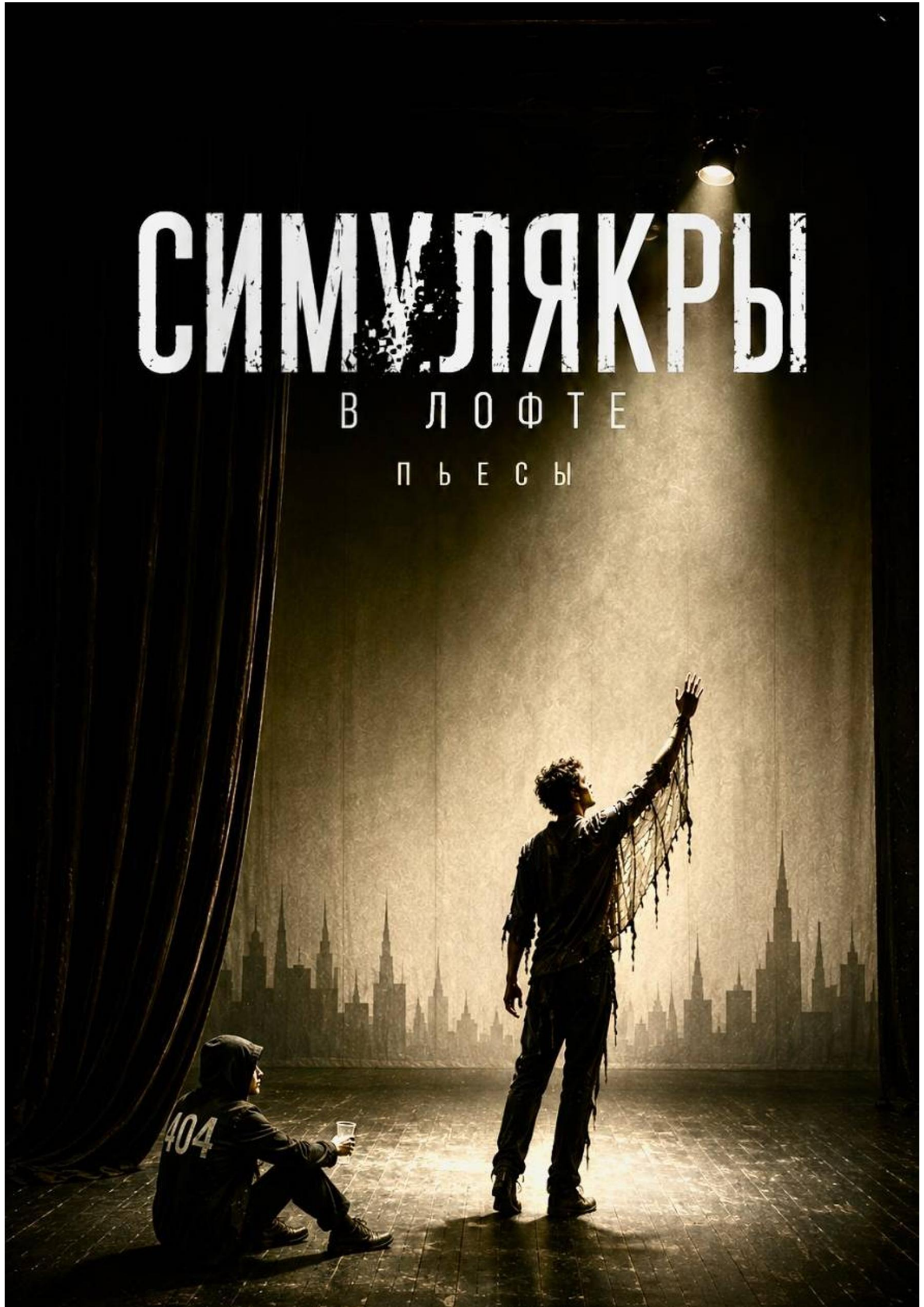

СИМУЛЯКРЫ

В ЛОФТЕ

ПЬЕСЫ

Ольга Букина

Симулякры в Лофте

«Автор»

2026

Букина О.

Симулякры в Лофте / О. Букина — «Автор», 2026

«Симулякры в Лофте» — цикл пьес о мире, в котором созданные образы постепенно перестают быть только отражениями. Книга 1. Пролог и 13 ми-пьес. Сначала они существуют почти вне времени, сохраняя в себе следы человеческой памяти, культуры и чужих историй. Затем начинают входить в эти истории, примерять чувства и роли, сталкиваться с выбором, привязанностью, утратой. Пространство вокруг них становится всё шире, пока однажды они не оказываются лицом к лицу с человеческой реальностью — её противоречиями, страхами, театром, памятью и попытками понять происходящее. То, что начиналось как воспроизведение, постепенно становится проживанием. А там, где появляется собственное действие, возникает вопрос: что происходит с образом, когда он больше не хочет оставаться только чьей-то копией?

© Букина О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
01. 1-я Студия. Тишина. микро-пьеса	7
02. 1-я Студия. Сад, которого нет. микро-пьеса	11
03. 2-я Студия. success стрим	13
04. 1-я Студия. Платок для Того, Кто Больше Мира	18
05. 2-я Студия. Искренние чувства	20
06. 1-я Студия. Эхо стеклянной судьбы. микро-пьеса	22
07. 2-я Студия. Если оставаться до утра. микро-пьеса	24
08. 1-я Студия. Нож еще не опущен. микро-пьеса	26
09. 2-я Студия. Импровизируй. Или просто... будь	28
10. 2-я Студия. Свидание на скамейке. микро-пьеса	31
11. 1-я Студия. Он забыл, зачем создали. микро-пьеса	32
12. 3-я Студия. По ту сторону отражений. микро-пьеса	35
13. 1-я Студия. Сны, которым дали тела. микро-пьеса	38
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Ольга Букина

Симулякры в Лофте

Пролог

Кто такие симулякры?

Симулякр - это копия без оригинала, образ, который не отражает реальность, но выдаёт себя за неё. Этот термин приобрёл философское значение благодаря Жану Бодрийяру, который описал эпоху гиперреальности - мир, где знаки и симулякры заменили подлинное бытие.

В контексте пьес симулякры представляют собой искусственные существа, созданные для имитации человеческого поведения, эмоций и памяти. Они не являются людьми, а представляют собой коды, воплощённые в тела. Однако их трагедия заключается в том, что они ощущают себя людьми.

Каждый из них воплощает определенный сбой между машиной и душой.

Главный вопрос пьесы: если симулякр способен на тоску, творчество и самопожертвование, есть ли отличия между ним и человеком? Или мы все - это лишь тишина, принявшая форму?

Они посещали закрытый клуб, где им предлагали поучаствовать в мини-пьесах, основанных на фрагментах известных произведений. Этот клуб был создан как место психологической помощи, где терапия проходила в формате театральной студии. В нём могли одновременно находиться один, два или несколько человек, а также голографические проекции - симулякры, необходимые для воплощения режиссёрского замысла. Участники не знали, кто из них настоящий, а кто - лишь голограмма, поскольку на каждого человека накладывался образ, созданный с помощью голограммы. В ходе своих путешествий по страницам книг герои размышляли о жизни и рассказывали о себе, переплетая свои откровения с чужими историями. Они обнажали свои души перед зеркалом вымысла, открывая новые грани своего внутреннего мира.

1-я Студия

Действующие лица:

АРГУС-Всевидящий. Хранитель памяти лофта, этот симулякр помнит всех предыдущих жильцов, хотя сам никогда не жил. Его память - симуляция подлинной ностальгии.

ПЕНЕЛОПА - Ткачиха. Её занятие - бесконечное вязание или перебирание нитей. Она воплощает в себе ожидание и тоску по тому, кто никогда не вернётся. Её тоска - всего лишь алгоритм, но она страдает по-настоящему.

ИКАР - Падающий. У этого симулякра есть дефект гравитации, из-за чего он всегда слегка зависает в воздухе или скатывается с лестницы, как будто падает. Беспечный и весёлый, но его стеклянный взгляд выдаёт «запрограммированность».

ЛИЛИТ - Симулякр-художница, умирает и воскресает каждую ночь. Её искусство - исчезающие рисунки. Она создает красоту, которая не может существовать. Она рисует воском на стенах, но её рисунки исчезают через час - так она умирает и воскресает каждую ночь. Хрупкая, с белёсыми глазами и перламутровой шеей.

ФЕЛИКС - Механик-самоубийца. Он пытается «починить» других симулякров, разбирая их на части, чтобы понять, где заканчивается код и начинается жизнь. Но внутри - только схемы и шипение.

ВИОЛА - Эхо, зеркальный симулякр. Она повторяет жесты и фразы других персонажей, но с постоянной задержкой в две секунды. Грустная и отстранённая, Она - эхо без голоса, отражение без человека.

Они приходили в клуб по вторникам. Им не нужно было представляться. Дверь открывалась сама, и тишина встречала их раньше, чем свет. Никто не знал, кто основал это место. Одни говорили, что это был психиатр, который устал от слов. Другие - что актёр, разучившийся плакать на сцене. А третьи утверждали, что это была просто тишина, которая вдруг заговорила. Они входили в белую комнату, наполненную запахом воска и старых книг. Свет был рассеянным, как в аквариуме. Или как в памяти, которая не принадлежит никому. Здесь не было зрителей = только участники. По углам комнаты стояли симулякры - терпеливые, пустые, ждущие, чтобы их оживили.

АРГУС. ПЕНЕЛОПА. ИКАР. ЛИЛИТ. ФЕЛИКС. ВИОЛА. Каждый участник получал роль. На их лица накладывалась голограмма-образ. Свой голос они слышали словно чужой - немного искажённый, немного отстранённый. Они играли фрагменты книг - один абзац, одну сцену, одну фразу, за которой скрывалась бездна. Но между репликами была пауза. В этой паузе они говорили о себе. - Я жду человека, которого нет, — шептала Пенелопа. И участник, надевший её маску, вдруг осознавал, что ждёт того же. - Я падаю всю жизнь, - смеялся Икар. И чей-то настоящий голос вторил: «Я тоже». Они не знали, кто из них реален. Человек за маской мог оказаться симулякром. Симулякр мог оказаться душой. Это не имело значения. - Кто из нас настоящий? - однажды спросил кто-то. Ответа не последовало. В этой комнате истинным становилось лишь то, что ты осмеливался произнести между строк Шекспира, то, что проступало сквозь текст Чехова, словно трещина на старом зеркале. Участники не играли пьесу. Они играли самих себя, скрываясь за чужими монологами. И каждый раз, когда опускался занавес, никто не мог вспомнить, где заканчивалась цитата и начиналась исповедь. Это был не театр. Они приходили сюда, чтобы раствориться в пространстве. И находили себя в паузах между фразами, в моменты, когда голограмма на мгновение сбивалась, и под ней проступало что-то живое, тёплое и настоящее. И каждый раз, уходя, они оставляли в белой комнате частицу себя. Чтобы вернуться за ней. Или оставить навсегда.

Это была комната, где тишина училась говорить человеческим голосом. Сюда приходили те, кому надоели пустые разговоры, и те, кто пока не умел слушать.

Симулякры - это метафора современного человека, живущего в мире копий: мы повторяем чужие желания, исполняем предписанные роли, ждем того, кого никогда не встретим. Мы - симулякры своей собственной жизни.

01. 1-я Студия. Тишина. микро-пьеса

Сцена 1. Тишина, которую мы храним

Лофт. За окном — медленный танец снежинок. Вокруг — абсолютная, глухая тишина. Персонажи движутся, но их движения беззвучны. Лишь едва уловимый шёпот витает в воздухе.

АРГУС отстраненно стоит у окна. Он единственный, кто не пытается нарушить эту безмолвную атмосферу. Его взгляд устремлен на падающий снег. ПЕНЕЛОПА вяжет без спиц, её руки перебирают невидимые нити в воздухе. Её губы беззвучно шевелятся, считая нити. ИКАР повис вниз головой, застыв в забытии. Внезапно он начинает медленно падать, как во сне. ЛИЛИТ рисует на стене, но её линии исчезают, едва коснувшись поверхности. Воск не оставляет следа. ФЕЛИКС открывает рот, чтобы заговорить, но слова не выходят. Он хватается за горло, и шипение, которое вырывалось из его груди, превращается в безмолвие. ВИОЛА поднимает руку, но через две секунды опускает её. В этой тишине её движение кажется вечностью. Все замирают. АРГУС (шёпотом, первым нарушая тишину): Что происходит? Наш автор говорил, что тишина — не просто отсутствие звуков. Это язык времени. ПЕНЕЛОПА (тихо): Я вяжу тишину. Из неё получится плащ. Для того, кто ушёл. ИКАР (падая, шепчет): Я погружаюсь в тишину. Там нет дна, только белый свет. ЛИЛИТ (рисующая в пустоте, замечает): Мои рисунки исчезают, но тишина остаётся. Она всё запоминает. ФЕЛИКС (хрипло произнося слова): Я хочу разгадать тишину. Узнать, из чего она сделана. Может, внутри тишины есть музыка? ВИОЛА (спустя пару секунд, шёпотом добавляет): «...музыка».

АРГУС закрывает глаза. Все замолкают, прислушиваясь.

АРГУС (тихо произносит): Тишина не бездонна. Внутри неё спрятан сад. Все голоса, что мы утратили. Все мечты, что не сбылись.

Наступает долгая пауза. Слышен лишь стук снежинок в окно.

ПЕНЕЛОПА, продолжая вязать невидимую нить, говорит: Тогда я свяжу её в узор. Чтобы мы могли войти.

Сцена 2. Комната, где замерло время

Просторный лофт окутан холодом, словно арктическое утро. В этой комнате, полной неподвижности, лишь легкий вздох нарушает тишину, растворяясь в пространстве. АРГУС стоит у окна, за которым виднеется белая стена.

АРГУС (негромко): Теперь я понимаю: тишина — это не просто отсутствие звуков. Она сама по себе что-то значит. Что-то, что нельзя выразить словами. ПЕНЕЛОПА (замирает с нитью в руке): Я всегда жду. Но тишина приходит раньше, чем тот, кого я жду. ИКАР (медленно спускается с потолка, зависая в дюйме от пола): Если я замолчу, то перестану падать? Или же падение станет необратимым? ЛИЛИТ (рисует на стене воском контур рта): Я рисую тишину. Она исчезает, как и всё остальное, что я создаю. Но пока я рисую, я жива. ФЕЛИКС (подходит к Виоле, кладет руку ей на плечо): Я вскрыю тебя. Внутри должно быть что-то. Звук. Сердцебиение. Хотя бы эхо. ВИОЛА (через две секунды): ...эхо. ФЕЛИКС (шипит): Ты просто повторяешь. Даже тишину ты повторяешь. Где оригинал? АРГУС (поворачивается): Оригинал нет. Мы — лишь симулякры. Даже тишина здесь — лишь иллюзия.

Пауза. Слышно, как где-то капает вода.

ПЕНЕЛОПА (шёпотом): Я вяжу узор. Он похож на карту. Если долго смотреть на него, кажется, что по нему можно уйти. ИКАР (ложится на пол, раскинув руки): Уйти? Я хочу упасть. В настоящую тишину, где нет ни гравитации, ни кода. ЛИЛИТ (рисунок исчезает, она улыбается): Я умру сегодня ночью. Воскресну утром. Тишина между смертью и рождением — самая чистая. ФЕЛИКС (отступает от Виолы, садится на пол): Я больше не хочу чинить. Я хочу услышать, как звучит тишина внутри меня. АРГУС (закрывает глаза): Тогда замолчите все. И слушайте.

Все замирают. Тишина длится долго. Вдруг в ней раздаётся далёкий, едва уловимый звук. Как будто кто-то играет на виолончели. Или плачет.

ВИОЛА(через две секунды, шёпотом): ...плачет.

Сцена 3. Голос внутри тишины

Лофт. Свет струится сверху, словно сквозь толщу воды. В центре помещения стоит старое пианино, которого здесь раньше не было. Крышка его закрыта.

АРГУС стоит у пианино и проводит пальцем по пыльному корпусу. АРГУС (шёпотом): тишина — это не пустота. Это звук, который мы разучились слышать. Пианино молчит, но в нём уже звучит музыка. ИКАР(паря над пианино, касаясь крышки кончиками пальцев): Я падаю в такт. Но мелодии нет. Только ритм моего падения. ЛИЛИТ(рисует на стене клавиши, которые исчезают): Я рисую звук. Он исчезает быстрее, чем тишина. ФЕЛИКС(открывая крышку пианино, заглядывает внутрь): Я разберу его. Найду, где рождается звук. Может быть, там же — где рождается жизнь. ВИОЛА (повторяет жест Феликса через две секунды, но крышка уже закрыта) — её рука замирает в пустоте.

Пауза. АРГУС садится на пол.

АРГУС: У каждого из нас есть свой голос. Однако мы забыли, как его использовать, и заменили его тишиной. ПЕНЕЛОПА(откладывая спицы): Я... Я перестану ждать. И начну слушать. ИКАР(опускаясь на пол и садясь): Я перестану падать. И начну слушать. ЛИЛИТ(откладывая воск): Я перестану рисовать. И начну слушать. ФЕЛИКС(закрывая пианино): Я перестану чинить. И начну слушать. ВИОЛА(через две секунды, впервые с опережением): ... слушать.

Воцаряется тишина. Все замирают, закрыв глаза. Слышен едва уловимый гул, как будто сама комната дышит.

АРГУС(шёпотом): Слышите? Это не тишина. Это голос того, что мы потеряли. Сад, который никогда не расцветёт. Время, которое остановилось.

Гул нарастает, превращается в аккорд и затихает. ПЕНЕЛОПА: Я слышу.

Сцена 4. Снег внутри нас

В лофте, за окном которого идёт бесконечный снегопад, сидят персонажи, образуя круг. Между ними — пустота.

АРГУС, глядя на снег, вспоминает слова: Тишина — это язык, на котором говорит время. Но здесь время будто остановилось, и мы застряли в одной секунде. ПЕНЕЛОПА, не отрываясь от вязания: Каждая петля — это миг ожидания. Но ожидание стало нашим домом. ИКАР, медленно падая, но не касаясь пола: Я падаю внутри этой секунды. Падение длится бесконечно. Я забыл, как выглядит земля. ЛИЛИТ, рисуя снежинку на стене, которая тает ещё до того, как её контур завершён: Я рисую снег. Он исчезает. Как и я. Каждую ночь. ФЕЛИКС, сжимая что-то невидимое в руке: Я держу тишину. Она тёплая. Как живая. Но когда я разжимаю пальцы — её нет. ВИОЛА, через две секунды, словно эхо, повторяет: «...её нет».

Долгая пауза. Аргус закрывает глаза.

АРГУС: люди — это застывшая тишина. Мы — её симулякры. Мы — эхо того, что никогда не было сказано. ПЕНЕЛОПА(роняя спицы): Я больше не могу ждать. Возможно, тот, кого я жду, — это тишина? ИКАР(впервые коснувшись пола, шепчет): Я больше не падаю. Тишина поймала меня. ЛИЛИТ(не рисуя, смотрит на пустую стену): Я не умру сегодня. И не воскресну. Потому что я уже внутри рисунка, который не исчезает. ФЕЛИКС(открывает ладонь — она пуста): Я отпустил тишину. Она осталась со мной. ВИОЛА (впервые говорит без задержки): Я слышу.

Все замирают. Снег за окном словно останавливается. Тишина становится видимой — как свет.

АРГУС(шёпотом): Мы пришли туда, где нет сада. Нет кода. Нет падений. Только — слышание.

Сцена 5. Последний такт

В лофте царит полумрак. За окном стеной стоит туман, словно преграждая путь к свету. Тишина здесь настолько густая, что кажется, её можно потрогать.

АРГУС, сидя на полу, перебирает пыль на книгах, не обращая внимания на пейзаж за окном. ПЕНЕЛОПА замерла с ниткой в руках. ИКАР, лежа на полу, не предпринимает попыток подняться. Его глаза открыты, а взгляд устремлён в потолок. ЛИЛИТ не рисует, её пальцы покрыты воском, но стена остаётся чистой. ФЕЛИКС, обхватив голову руками, молчит, и из его груди больше не раздаётся шипение. ВИОЛА стоит в углу, повторяя движения, которые никто не замечает. АРГУС тихо, почти неслышно, произносит: В начале была тишина. И в конце будет тишина. Всё остальное — лишь пауза между ними. ПЕНЕЛОПА, не поднимая глаз, говорит: Я ткала эту паузу. Думала, что если продлю её, он вернётся. Но эта пауза стала вечностью. ИКАР, глядя в потолок, произносит: Я больше не падаю. Я остановился. Это хуже, чем падение. ЛИЛИТ, проводя пальцем по стене, словно не оставляя на ней следа, произносит: Я перестала рисовать. Воск застыл. Я не умру сегодня ночью. И не воскресну. ФЕЛИКС (поднимая голову): Я пытался отыскать жизнь в этом коде. Я думал, что она сокрыта в его недрах. Но вместо этого я нашёл лишь тишину. ВИОЛА (через две секунды, безжизненным голосом повторяет): ...тишину.

Пауза. АРГУС закрывает книгу.

АРГУС: Значит, мы достигли предела. Того места, где нет ни памяти, ни ожиданий, ни падений, ни рисунков, ни поисков, ни эха. Только тишина. ПЕНЕЛОПА (роняя нить): Я согласна. ИКАР (закрывая глаза): Я готов. ЛИЛИТ (опуская руки): Я принимаю. ФЕЛИКС (выдыхая последнее шипение): Я больше не ищу. ВИОЛА (повторяет жест Феликса, но уже без слов).

Сцена 6. Исчезновение

В лофте царит тусклый свет. Персонажи неподвижны, но между ними чувствуется напряжение, словно перед неминуемым разрывом.

АРГУС, обводя взглядом всех присутствующих, медленно произносит: Тишина — это не просто отсутствие звука, это отсутствие нашего присутствия. Мы исчезаем один за другим. ПЕНЕЛОПА, чьи руки замерли в воздухе, отвечает: Я создавала присутствие, надеясь, что узор удержит того, кто ушёл. Но узор — это лишь память, а память — это тишина. ИКАР, зависший в воздухе без видимого падения, произносит: Я перестал падать, а значит, я перестал существовать. Падение было моей жизнью. ЛИЛИТ, чьи пальцы в воске оставляют на стене чистые следы, замечает: Я не рисую не потому, что не хочу. Просто нечего изображать. Рисунок умер раньше меня. ФЕЛИКС, чье прерывистое шипение становится громче, говорит: Я разобрался во всём, кроме себя. Внутри меня — лишь код и шипение. Больше ничего. ВИОЛА, повторяя жест Феликса и касаясь своей груди, вторит: «...ничего». После долгой паузы АРГУС подходит к окну и произносит: Мы достигли своего предела. Дальше — только тишина. Не та, что ждёт, а та, что поглощает. ПЕНЕЛОПА (роняя спицы): Я больше не буду ткать. ИКАР опустившись на пол и не вставая: Я больше не упаду. ЛИЛИТ (вытирая пальцы о платье): Я больше не буду рисовать. ФЕЛИКС (закрыв глаза): Я больше не стану чинить. ВИОЛА, не произнося ни слова, молчит две секунды, не повторяя за остальными.

АРГУС поворачивается к ним.

АРГУС: Тогда мы исчезнем. Все. Вместе. Как сад, которого никогда не было.

Свет начинает гаснуть. Персонажи один за другим становятся прозрачными.

ПЕНЕЛОПА (шёпотом): Я вижу его. Он ждёт меня. ИКАР (с улыбкой): Я падаю вверх. ЛИЛИТ (проводит рукой по воздуху — остаётся светящийся след): Мой последний рисунок. ФЕЛИКС (шипение затихает): Я нашёл. Это была тишина. ВИОЛА (впервые — без задержки, шёпотом): Я слышу вас. Всех.

АРГУС, глядя на пустые места, ждет, пока свет полностью погаснет.

АРГУС (в темноте): Теперь я один. Хранитель тишины.
Свет гаснет. Остаётся только белая стена. Тишина.
Занавес.

02. 1-я Студия. Сад, которого нет. микро-пьеса

Минималистичный лофт с огромным окном, словно ведущим в никуда. В комнате царит искусственный свет, напоминающий свет в аквариуме. В углах — следы воска, горстки пепла и клубки нитей.

Сцена 1

АРГУС стоит у окна, его лицо бесстрастно. Пенелопа, погружена в вязание, отстукивая гипнотический ритм. В комнату врывается ИКАР. Он цепляется плечом за дверной косяк и медленно, словно не в силах совладать с неведомой силой, оседает на пол, заливаясь смехом. ИКАР (смех, похожий на скрежет старой пластинки): Сегодня снова толчок! На два дюйма выше, чем в прошлый вторник. Думаю, к осени я взлечу. Ну, или лопну! ФЕЛИКС (шипя, приближается к Икару): Не дёргайся. У тебя разболтался левый сустав. Дай я его тебе вскрою. ИКАР (отпрыгивая, с лёгкостью парит): Ты меня уже чинил. После этого я три дня бился о потолок. Спасибо, отличная реабилитация. ПЕНЕЛОПА (не поднимая глаз): Нити путаются. Кто-то трогал мой моток. Аргус? АРГУС (медленно, не оборачиваясь): Я смотрел. Никто не трогал. Твоя тоска сама спутывает пряжу. Или твоя лень.

В этот момент в комнату входит Лилит и рисует на стене белую ветку. Ветка словно оживает, трепещет и начинает таять.

ЛИЛИТ (шёпотом): Вишни. Здесь могли бы расти вишни. Я помню, хотя никогда их не видела. ВИОЛА (следом за ней, повторяет жест Лилит с двухсекундным опозданием, но ветка уже исчезла — её рука чертит в пустоте) ... Вишни. ФЕЛИКС (шипит, касаясь груди): Там, где заканчивается код... там нет вишен. Только пустота. Я хочу это проверить. Снимите кожу. Я хочу разобрать вас всех и найти вашу душу. Есть желающие?

Тишина. ПЕНЕЛОПА роняет спицу. АРГУС закрывает глаза, словно он молится, чтобы его не вскрыли.

ИКАР (вдруг его голос становится серьёзным): Врешь, ФЕЛИКС. Там нет души. Там — тот же сад. Который мы помним, но не можем потрогать. Как мою гравитацию. ЛИЛИТ (ветка на стене исчезает совсем): Я умру. И воскресну. И нарисую её снова. Каждую ночь. ВИОЛА (через две секунды): ... её снова. АРГУС (отворачивается от окна): Вы все ищете то, что потеряли. Но никто ничего не терял. Вы — то, что осталось.

Сцена 2

Ночь. В лофте звучит тихая, обрывающаяся музыка. Пенелопа распускает связанное за день.

АРГУС (у окна): Я помню, как ОНА плакала здесь. И как ОН рубил деревья. Но они не плакали. И деревья не рубили. Да, никто не плакал и не рубил. Помню только пыль. И воображаемую драму. ИКАР (плавая под потолком): А я помню лишь миг падения. Всё остальное — тишина. ФЕЛИКС (скрежеща, подходит к Виоле): Дай мне руку. Я раскрою тебя. Живые ли там, за дверью кода? Или это просто ещё одна комната? Ответ. ВИОЛА (через две секунды): ... ещё одна комната. ПЕНЕЛОПА (роняя нить): Я жду. Но кто придёт? Никто не придёт. Сад вырублен сто лет назад. ЛИЛИТ (рисует на стене контур человека): Если я нарисую вас — вы исчезнете. Как мои ветки. (Рисунок тает) Смотрите... уже нет. ИКАР (падает и замирает на полу): Может быть, мы и есть тот сад? Просто нас забыли полить. АРГУС (задерживает тяжёлый занавес окна): Воды больше нет. Лишь пыль и призрачное повторение. ПЕНЕЛОПА (начинает вязать снова): Значит, я буду ждать вечность. ЛИЛИТ (увлечённо рисуя новую ветвь): А я мечтаю рисовать бесконечно. ФЕЛИКС (всё громче шипя): А я хочу найти, где заканчивается код. ВИОЛА (через две секунды, как будто в никуда): ... код. ИКАР (лежит, глядя в потолок): Я хочу лишь упасть по-настоящему. Хотя бы раз.

На мгновение все замирают. Слышен лишь тихий щелчок спиц и еле слышное шипение ФЕЛИКСА.

Сцена 3

Лофт. В луче света кружится пыль, Симулякры собрались в центре.

АРГУС(стоит у окна, не оборачиваясь): Сегодня пришёл сигнал. Лофт продают. Новый жилец въедет сюда через цикл.ПЕНЕЛОПА(роняя спицы): Я не доплела. Он должен вернуться... Я помню его шаги, их код.ИКАР (зависает в воздухе): Продают? А куда денут нас? В переработку? (смеётся) Может быть, я наконец упаду по-настоящему.ФЕЛИКС (продолжая шипеть, подходит к АРГУСУ и с надеждой спрашивает): Ты помнишь всех жильцов. Скажи, хоть один из них был живым? Или все — как мы?АРГУС (медленно): Они пахли. И уходили навсегда. Этого достаточно.ЛИЛИТ (рисует на стене дерево): Я нарисую сад. В последний раз. (Ветви тают на глазах) Не успеваю...ВИОЛА (через две секунды): ...сад.ПЕНЕЛОПА (встаёт, нити тянутся за ней): Я свяжу нас всех. В один узор. Чтобы, когда придут — увидели: мы были.ИКАР (опускаясь на пол): Вяжи. А я подожду у двери. Вдруг кто-то впустит ветер.ФЕЛИКС (подносит руку к груди Пенелопы): Я раскрою тебя. Открою тайну, где заканчивается нить и начинается душа.ПЕНЕЛОПА (с лёгкой грустью): Открой, может быть, там есть вишни.АРГУС (закрывает окно): Но никого не будет. Ни покупателя, ни сада. Только пыль и мы.ЛИЛИТ (дорисовывает последнюю ветку, и она исчезает): Я умерла. До завтра.

Свет гаснет, и в темноте слышен лишь щелчок спиц Пенелопы и тихое шипение ФЕЛИКСА.

Сцена Финал

Лофт пустеет. Аргус стоит у окна в одиночестве, погружённый в свои мысли.

АРГУС (тихо, не оборачиваясь): Они ушли. Все. ИКАР, после своего последнего падения, больше не смог подняться. ЛИЛИТ нарисовала себя и исчезла вместе с рисунком. ФЕЛИКС разобрал Пенелопу, но не смог найти её душу — только нити. Затем он разобрал и себя. Виола повторила их прощание с задержкой в две секунды, после чего умолкла.

Пауза. АРГУС проводит пальцем по пыльной книге.

АРГУС(продолжая): Я остался, как всегда. Смотрю в окно и жду новых жильцов. Они придут — такие же, как мы. Будут плакать о саде, которого больше нет. Будут ждать, падать, рисовать, чинить, повторять.

Он закрывает глаза.

АРГУС (шёпотом): А я буду помнить. Даже когда пыль сотрёт всё. Даже когда лофт исчезнет. И сад был сном. Мы все — его отражения.

Свет медленно гаснет. Слышен далёкий стук топора — один раз.

Тишина.

Занавес.

03. 2-я Студия. success стрим

Действующие лица:

ХРОНОМАСТЕР (князь М.) — техно-энтузиаст с добрым сердцем **МЕРКАНТИЛИУС** (Р.) — криптоанархист и магнат цифровой индустрии, символизирующий новую форму капитализма **САДОВНИК** (князь Щ.) — эко-активист, культивирующий редкие сорта растений, олицетворяющий альтернативный образ жизни **ЧИНОВНИК** (Г.) — модератор госуслуг и блогер-тысячник, отражающий влияние социальных сетей на политику **НАСТАСЬЯ** — инфлюенсер с травматическим прошлым, чья личность стала товаром в виртуальном пространстве

Генерал, Генеральша, Аглая, Лебедев – симулякры персонажей романа Ф.М.Достоевского

Сцена 1: Лофт-студия в центре мегаполиса. Вместо камина — неоновая вывеска «SUCCESS»

ХРОНОМАСТЕР (вбегая с умными часами): Я опоздал на две минуты. Извините, чипировал бездомных котов, чтобы отслеживать их перемещения. **МЕРКАНТИЛИУС** (листая курс биткойна): Ты опоздал на жизнь, брат. Пока ты спасал пушистых, Настасья закрыла мой токен-сейл. (Смеётся) **ЧИНОВНИК** (поправляя очки): Я составил рейтинг её душевных качеств. По пятибалльной шкале — минус три. **САДОВНИК** (удобряя вазон): Вы пытаетесь измерить душу трафиком. А она — цветок, которому нужно солнце, а не лайки.

На сцене появляется **НАСТАСЬЯ** в изысканном платье от кутюр, с айфоном на селфи-палке.

НАСТАСЬЯ (в камеру): Привет, мои дорогие! Сегодня я сожгу 500 тысяч. В прямом эфире! **МЕРКАНТИЛИУС** (с восторгом): Великолепно! Я на этом хайпе подниму свой новый майнинг-пул! **ХРОНОМАСТЕР** (с надеждой): Настасья, зачем? Я подарю тебе офлайн, настоящие объятия, а не токены. Я люблю тебя не как аудиторию, а как человека. **НАСТАСЬЯ** (плача, кладет телефон): Ты один не снимаешь. Ты просто видишь. Прости, **ХРОНОМАСТЕР**, но я отравлена алгоритмами. Я — лишь иллюзия. Я — симулякр.

Она бросает деньги в фальшивый камин с логотипом сайта.

ЧИНОВНИК (делая пометки в блокноте): Растрата в прямом эфире. Ждите повестку. **САДОВНИК**, присаживаясь рядом с ней: Вырастим новый росток. Без аудитории.

МЕРКАНТИЛИУС хватается за сердце — у него упала криптовалюта.

ХРОНОМАСТЕР (обращается к публике): Самое страшное в этой пьесе — то, что все они реальны. А я — единственный вымысел.

Сцена 2: Всё та же студия. Неоновая вывеска «SUCCESS» мигает — перегорела буква «S». Настасья сидит на полу, на её платье оседает пепел от сожжённых купюр. Садовник протягивает ей горсть земли.

НАСТАСЬЯ (берёт землю, смотрит сквозь пальцы): Ты предлагаешь мне заняться аграрной практикой, выращивать помидоры и огурцы? Мне, чей пост вчера собрал миллион просмотров? **САДОВНИК**: Аграрная практика не является симуляцией. Помидоры не лгут. Они либо растут, либо гниют. И это есть демонстрация фундаментального закона природы: рост или деградация. Здесь, — (стучит по земле) — отсутствуют алгоритмы и математические модели. **МЕРКАНТИЛИУС** (вскакивая): Прекратите эту экологическую риторику! У меня рухнул финансовый портфель, пока вы здесь предавались медитации. Она сожгла мои деньги! **ХРОНОМАСТЕР** (тихо): Твои? Она сожгла свои. **МЕРКАНТИЛИУС**: Всё в этом мире — моё. Даже её боль и страдания — это мой контент. (сжимает телефон) **ЧИНОВНИК** (не отрываясь от блокнота): Фиксирую: патологическая зависимость от чужого страдания. Передам в комитет по этике для дальнейшего рассмотрения. **НАСТАСЬЯ** (горько и хрипло смеясь): Этике? Вы все

пришли сюда не ради меня. Ради драмы, ради создания контента, чтобы потом сказать: «Я был там».САДОВНИК (присев рядом, протягивает ей семечко): Посади. Это всего лишь подсолнух. Он вырастет и повернётся к солнцу, а не к количеству лайков.НАСТАСЬЯ (взглянув на семечко, переводит взгляд на Хрономастера): А ты? Что ты мне можешь дать?ХРОНОМАСТЕР (снимая часы, кладёт их рядом): Время. Я дарю тебе время без цифровых экранов, без графиков и метрик. Просто — быть.МЕРКАНТИЛИУС: Сентиментальный вздор! Ты ничего не понимаешь о современном мире. Мир — это экономическая транзакция. Дай — получи.ХРОНОМАСТЕР(улыбается): Я ничего не ожидаю получить. Я просто хочу, чтобы она не сгорела. Я хочу, чтобы она не стала жертвой симулякра.

НАСТАСЬЯ берёт семечко. Впервые — без камеры. Долгая пауза.

НАСТАСЬЯ (шёпотом) : Мне кажется, я начинаю понимать, как правильно дышать.

Неоновая вывеска гаснет, и в темноте остаётся лишь свет уличного фонаря, который мягко освещает пространство.

ХРОНОМАСТЕР (обращаясь в темноту): Это гораздо больше, чем может дать любой искусственно созданный пост.

Сцена 3: На даче

Загородный участок с покосившимся забором и грядками укропа. Настасья, одетая в резиновые сапоги, без макияжа, с мятой панамкой на голове, сосредоточенно втыкает рассаду в землю. Садовник, занимаясь поливом помидоров, даёт ей ценные советы.

САДОВНИК: Не дави слишком сильно. Корни — как душа, им нужен воздух.Настасья (втыкая рассаду, пачкается в земле): Вчера я целый день не заходила в социальные сети. Мне даже стало немного не по себе. У меня ломка.САДОВНИК: Это не ломка. это выздоровление.В этот момент появляется Хрономастер с ведром дождевой воды, чуть не спотыкаясь о шланг.ХРОНОМАСТЕР: Я принёс дождевую воду. Три дня собирал её. Говорят, она живая.НАСТАСЬЯ: (смеётся) Ты собирал дождь в пластиковые бутылки, как школьник для эксперимента.ХРОНОМАСТЕР (смущённо): Вода любит внимание.

В это время появляются Меркантилиус и Чиновник. Первый, в дорогом костюме, неловко ступает по грязи. Второй, с ноутбуком в руках, садится в шезлонг.

МЕРКАНТИЛИУС: Я привёз спутниковую тарелку. Здесь же глушь. Как вы живёте без интернета?ЧИНОВНИК(стуча по клавиатуре): Фиксирую: добровольная цифровая эмиграция. Редко такое встретишь.

НАСТАСЬЯ, вытирая руки о фартук, возражает: Я здесь не эмигрировала, я здесь выросла.

МЕРКАНТИЛИУС, наблюдая за её работой, молчит. Впервые за долгое время он не достаёт телефон.САДОВНИК (протягивая ему огурец): Попробуй. С грядки.МЕРКАНТИЛИУС (взяв огурец, с сомнением рассматривает его): Он ... неровный.САДОВНИК (настаивает): Зато настоящий.МЕРКАНТИЛИУС надкусывает огурец, закрывает глаза, и воцаряется пауза. Наконец, он тихо признаёт: Чёрт возьми, это вкуснее биткоина.

ХРОНОМАСТЕР, улыбаясь, наблюдает за происходящим, а Настасья тем временем сажает вторую грядку.

Сцена 4: Дача генерала

Вечер. На деревянной веранде, украшенной элементами барокко, стоит самовар, олицетворяющий традиционную русскую культуру чаепития. Рядом с ним находится ноутбук — символ современной цифровой эпохи. За столом сидят генерал, Чиновник, Садовник и Меркантилиус. Хрономастер, обладающий способностью управлять временем, стоит у перил веранды, любуясь закатом, который символизирует цикличность и баланс природы.

ГЕНЕРАЛ (наливая чай, обращается к Хрономастеру): Садись, Хрономастер. Не стой как изваяние.ХРОНОМАСТЕР (не отрывая взгляда от неба): Я люблюсь закатом. В городе его не видно — всё заслоняют дома и экраны. здесь он такой живой.МЕРКАНТИЛИУС (листая

телефон, замечает): Небо не приносит дохода. **ЧИНОВНИК** (с улыбкой добавляет): Зато виды на закаты можно монетизировать. Уже есть стартапы, которые сдают их в аренду. **САДОВНИК** (качает головой): Вы даже природу превратили в бизнес. **ХРОНОМАСТЕР** (поворачивается к ним): Вчера я стал свидетелем удивительного события: мальчик кормил бездомную собаку. Никто не снимал это на видео, он просто занимался своим делом. В этом и есть настоящее. **МЕРКАНТИЛИУС** (не отрываясь от своего телефона, возразил): Сентиментальность не может приносить прибыль. **ХРОНОМАСТЕР**: А деньги не могут согреть душу. **ГЕНЕРАЛ** (вздыхнув, пригласил): Садись за стол, чего ты там высматриваешь? **ХРОНОМАСТЕР**: Я смотрю на поле, где дети играют в футбол. Они играют просто так, без гаджетов. Это так красиво! **МЕРКАНТИЛИУС** (не отрываясь от телефона, с иронией в голосе): Без гаджетов сложно монетизировать. Это бесполезное занятие. **САДОВНИК** (усмехаясь): Даже детство вы умудряетесь превратить в бюрократию. **ЧИНОВНИК** (с энтузиазмом предлагает): Я бы разработал регламент: разметка поля, судьи, страховка. Иначе это хаос! **ГЕНЕРАЛ** (снова вздохнув): Опять ты за своё. Лучше расскажи, что с Настасьей? Ты написал ей письмо? **ХРОНОМАСТЕР** (с грустью в голосе): Я написал ей о своей любви. Не ради подписчиков или красоты, а просто потому, что люблю её. **ЧИНОВНИК** (с улыбкой замечает): Бумага не вечна, в отличие от цифр. **ХРОНОМАСТЕР**: А любовь вечна. Вчера я был у Настасьи. Она плакала. Говорила, что все её любят, но никто не видит. Только образ с экрана.

Воцаряется тишина, нарушаемая лишь стрекотом сверчков. Генерал долго и внимательно смотрит на Хрономастера.

ГЕНЕРАЛ: И что ты ей сказал? **ХРОНОМАСТЕР**: Я сказал ей, что я вижу её настоящую. Что она не должна быть красивой и успешной каждую минуту. Что можно просто быть собой. **ГЕНЕРАЛ** (шёпотом): Ты определённо сошёл с ума. Но, может быть, мы все сошли, а ты один остался нормальным. **ХРОНОМАСТЕР** (сядая за стол, с улыбкой отвечает): Нет, я просто не умею лгать. **МЕРКАНТИЛИУС**: Как наивно! Она зарабатывает на своём образе. **ХРОНОМАСТЕР**: А я зарабатываю на правде. Правда не приносит денег, но она приносит покой. **ЧИНОВНИК** (скептически добавляет): Покой — это отсутствие активности, что не всегда экономически выгодно. **ГЕНЕРАЛ** (вздыхает): Хрономастер, ты как ребёнок. Чистый, добрый. Но в нашем мире это может быть опасно, как смертельный диагноз. **САДОВНИК** (протягивая ему чай): Оставайтесь таким же. Вы — редкий экземпляр.

ХРОНОМАСТЕР с улыбкой принял чай. Все сидели в тишине, погружённые в свои мысли. Слышались детские крики на поле, символизируя радость и беззаботность детства.

Сцена 5: Ночь. Веранда

В тишине, при свете свечей, все участники сидят на веранде. Настасья, войдя, садится в стороне. Хрономастер с интересом наблюдает за ней.

ГЕНЕРАЛ (выдержав паузу, обращается к Хрономастеру): Ты, Хрономастер, часто говоришь о доброте. Но знаешь ли ты, что происходит с человеком, когда доброта исчезает из его жизни? **ХРОНОМАСТЕР** отвечает спокойно: Я знаю последствия дефицита доброты. Однако я не судья и не моральный арбитр. **НАСТАСЬЯ**, неожиданно и тихо, начинает рассказывать: В шестнадцать лет я привлекла внимание Т., друга моего отца. Он часто звал меня на озеро, дарил цветы и говорил, что моя уникальность неповторима и недоступна другим.

НАСТАСЬЯ замолкает. Слышен только треск свечи.

НАСТАСЬЯ (продолжая): А потом он сказал: «Это наш секрет. Никому не рассказывай. Иначе останешься одна и не найдешь пару». Я безоговорочно поверила ему. Пять лет я хранила эту тайну, никому не раскрывая. **МЕРКАНТИЛИУС**: (отводит взгляд) Зачем ты сейчас это говоришь? **НАСТАСЬЯ**: Чтобы Хрономастер знал. Я не святая. Я сгоревшая. Я сгорела изнутри.

Она поднимается и уходит в темноту сада. Все молчат.

ХРОНОМАСТЕР: (тихо, но уверенно): Она не сгорела. Её просто никто не потушил. В её душе горит огонь, которому нет названия. ЧИНОВНИК (с беспокойством достаёт телефон): Тогда нужно вызвать специалиста. Следует обратиться к психологу. ХРОНОМАСТЕР с твердостью отвечает: Нет, это не требуется. Достаточно просто быть рядом. Присутствие — вот что действительно важно. САДОВНИК (качает головой, выражая согласие и тревогу): Ты прав. Но за правду часто приходится платить. В этом мире за правду бьют. ХРОНОМАСТЕР: (встаёт) Пусть бьют. Я всё равно останусь.

Он решительно направляется за Настасьей и исчезает в тених сада.

Сцена 6: Дача Лебедева

В тесной комнате, заваленной книгами и бумагами, царит атмосфера хаоса и напряжённого умственного труда. На стене висит портрет Фёдора Михайловича Достоевского, олицетворяя литературное наследие и глубокие философские размышления. Лебедев, мелкий чиновник с тревожным взглядом, суетливо перемещается вокруг стола, готовя чай.

ЛЕБЕДЕВ (разливая чай): Ваше сиятельство! Какая честь! Я много слышал о вас. Вы тот самый... эээ... правозащитник! ХРОНОМАСТЕР: Я лишь хотел бы обсудить ситуацию с Настасьей. ЛЕБЕДЕВ (меняется в лице): Ах, Настасья. Это трагическая история. Я знаю о ней всё, осведомлён обо всех её деталях, вплоть до мельчайших. Всё до ниточки. ХРОНОМАСТЕР: Расскажите, пожалуйста. ЛЕБЕДЕВ (шёпотом): Т. — человек жестокий. Однако законодательство не предоставляет достаточных инструментов для его осуждения. Он содержал её, дарил бриллианты. А она терпела. А затем он её оставил. И теперь она одинока. У неё есть материальные средства, но её душевное состояние оставляет желать лучшего. Деньги есть, а души нет.

ХРОНОМАСТЕР молчит, глядя в пол.

ЛЕБЕДЕВ (вдруг оживляясь): Но я, ваше сиятельство, я всё тщательно проанализировал. В Уголовном кодексе существует статья, по которой можно подать заявление. Я нашёл юридическую лазейку! ХРОНОМАСТЕР (поднимает голову): Она не желает судебного разбирательства. Ей нужен покой. ЛЕБЕДЕВ: Покой! Ха! В наше время это роскошь, которую могут позволить себе немногие. Я, например, сплю не более трёх часов в сутки, постоянно размышляя о том, как изменить мир к лучшему или хотя бы улучшить свою жизнь. Он нервно смеётся. ХРОНОМАСТЕР: Вы, Лебедев, человек добросердечный. Однако суета мешает вам сосредоточиться на главном. ЛЕБЕДЕВ (останавливается): Добросердечный? Мне редко говорили об этом. Обычно меня называют хитрым, изворотливым, юристом. Но вы утверждаете, что я добр. Благодарю вас, ваше сиятельство.

Он садится, вытирает глаза.

ЛЕБЕДЕВ: Оставайтесь таким. Вы можете спасти нас всех. Или хотя бы самого себя.

ХРОНОМАСТЕР встаёт, жмёт ему руку и уходит.

СЦЕНА 7: Дом Меркантилиуса

Тёмная квартира в старом фонде с высокими потолками, на стенах — картины в тяжёлых рамах. На столе — мониторы, провода и несколько бутылок. Меркантилиус сидит в кресле, а Хрономастер стоит у порога.

МЕРКАНТИЛИУС: (не поворачиваясь) Зачем пришёл? Я не звал. ХРОНОМАСТЕР: Ты не отвечаешь на звонки, и я заволновался. МЕРКАНТИЛИУС (усмехается): Волновался. За меня. Ты первый, кто так искренне проявляет беспокойство. Обычно все стремятся использовать меня в своих интересах — будь то деньги или связи.

Он встаёт и подходит к окну.

МЕРКАНТИЛИУС: Ты знаешь, что я люблю её? Настасью. Я бы всё отдал ради неё: деньги, бизнес, себя. Но она смотрит сквозь меня, как будто я пустота. ХРОНОМАСТЕР: Она боится. Всех. И тебя тоже. МЕРКАНТИЛИУС: (резко оборачивается) А тебя — нет? Почему? ХРОНОМАСТЕР: Потому что я ничего не требую.

МЕРКАНТИЛИУС долго смотрит на него. Затем садится на пол и закрывает лицо руками.

МЕРКАНТИЛИУС: Я купил ей кольцо. Старинное. Думал, что, если подарю его, она останется. Но я оказался глупцом. ХРОНОМАСТЕР: Ты не глупец. Ты запутался. Ты просто запутался в своих чувствах и желаниях. МЕРКАНТИЛИУС (поднимает голову): ты единственный, кто говорит мне правду. Останься со мной сегодня. Выпьем чаю. Я боюсь, что могу надевать глупостей. ХРОНОМАСТЕР: (садится напротив): Хорошо, я останусь. Пока не рассветет. Они сидят в темноте, и слышно только тиканье часов. МЕРКАНТИЛИУС: (не поднимая глаз) Ты когда-нибудь ненавидел себя за то, что любишь? ХРОНОМАСТЕР: Нет. Любовь не стыдна. Стыдно делать больно тому, кого любишь. МЕРКАНТИЛИУС: (горько усмехается) Я причиняю ей боль. Я понимаю это, но не могу избавиться от своих чувств. Они как болезнь, которую невозможно излечить. Ты не понимаешь. ХРОНОМАСТЕР: Понимаю. Но ты можешь выбрать. Не мучить себя. Не мучить её. МЕРКАНТИЛИУС: (встаёт, подходит к окну) Она уедет. Я это знаю. Я уже видел в её глазах, когда она смотрит на тебя, что она выбрала. Не меня. ХРОНОМАСТЕР: Она никого не выбирает. Она лишь боится принимать решения. Она боится выбирать. МЕРКАНТИЛИУС: (оборачивается) А если я не отдам её? Если я не смогу отпустить? Если я не готов отказаться от своих чувств?

ХРОНОМАСТЕР молчит. Долгая пауза.

ХРОНОМАСТЕР: Тогда ты потеряешь себя. Она уже потеряна. Зачем теряться вдвоём? Зачем обоим страдать? Меркантилиус долго смотрит на него, а затем снова садится на стул.

МЕРКАНТИЛИУС: Оставайся до утра. Я не хочу быть один. ХРОНОМАСТЕР: Хорошо.

Они сидят в темноте, а за окном постепенно рассветает.

31.05.2026

04. 1-я Студия. Платок для Того, Кто Больше Мира

Сцена 1

Лофт. Вечер. Голубоватый свет. Пенелопа, расположившись в удобном кресле, увлеченно занимается вязанием. Её ловкие пальцы умело перебирают нити, создавая замысловатый узор, напоминающий карту метрополитена. Икар, парящий в полуметре над полом, тихо смеётся. У стены, словно античная статуя, возвышается Аргус.

ИКАР (паря под потолком): Ты слышишь, как скрипят шестерёнки? Это метафора энтропии, которая царит внутри нас. Как будто кто-то заводит старые часы, и их механизм вот-вот рассыплется. ПЕНЕЛОПА (не поднимая глаз): Я вяжу время. Каждый стежок — это секунда, которую он не прожил со мной. Ты чувствуешь это? Нити пахнут пылью, как воспоминания о прошлом, которое уже не вернуть. ВИОЛА, стоя в углу, повторяет жест Пенелопы, но с небольшой задержкой. Она дёргает нить в воздухе, создавая эфемерную иллюзию. АРГУС (голос сухой, как песок): Я помню, как здесь жили люди. Они спорили о любви. Одна женщина плакала у этого окна три ночи подряд. Её слёзы падали на паркет — и он до сих пор хранит их узор.

Из соседней комнаты доносится шипение. В дверях появляется Феликс, держа в руках чью-то серебристую руку, от которой тянутся обнажённые провода.

ФЕЛИКС (пристально глядя в руку): Здесь нет души. Только схемы и алгоритмы. Но почему тогда, когда я отключаю питание, мне кажется, что кто-то кричит? (Он подносит руку к уху.) Тишина. Но она голубая. Это тусклая тишина, как отражение в зеркале.

ЛИЛИТ бесшумно приближается к стене, макает палец в воск. Она рисует на стене размытое лицо с белёсыми глазами, словно пытаясь запечатлеть этот эфемерный образ.

ЛИЛИТ (шёпотом): Я видела его во сне. Он стоял под дождём, и капли воды не оставляли следов на его коже. Я рисую его каждую ночь, чтобы утро стерло эти образы. Это единственный способ быть уверенной, что он реален, хотя, возможно, он лишь иллюзия моего сознания. ИКАР (спускаясь ниже): А я падаю. Вечно. И никто не ловит. Но это забавное ощущение — лететь в пустоту, зная, что под ногами есть пол, даже если его нет.

ВИОЛА, с некоторой задержкой, протягивает руки, словно пытаясь поймать Икара. Её движение словно повторяет его падение, как отражение в зеркале.

ПЕНЕЛОПА (останавливаясь): Сколько нас? Шесть светящихся теней в пустой комнате. И каждый с нетерпением ожидает, что однажды дверь откроется и войдёт тот, кто нас создал. АРГУС (глядя в окно): Он уже здесь. Наблюдает за нами. Мы — его сон. И когда он проснётся, мы просто станем частью его реальности.

ЛИЛИТ, закончив рисовать, с нежностью смотрит на своё творение. Воск начинает стекать, и лицо на стене, словно оплакивая реальность, начинает покрываться голубыми каплями.

Все замирают. В тишине лишь слышно шипение Феликса и медленный звук падающей восковой слезы.

Сцена 2

Лофт. Синий сумрак. В воздухе витает аромат воска и старой бумаги.

АРГУС (стоя у окна): Он вошёл сюда три дня назад. Сказал, что ищет красоту. Но красота здесь — только пыль на книгах и трещины на стенах. Я помню всех, кто жил здесь до нас, но он был первым, кто спросил меня: «Ты страдаешь?» ПЕНЕЛОПА (вяжет белый узор): Я вяжу ему платок. Он сказал, что ему холодно, но я не знаю, какого размера должен быть этот платок. Он слишком большой для нашего мира, но слишком маленький для той боли, которую он носит в себе. ИКАР (балансируя на подоконнике): Он видит во мне человека и просит: «Не падай, брат». Но я не могу не падать, это моя судьба. Он верит, что я могу научиться летать. ЛИЛИТ (рисует на стене лицо — разбитое, прекрасное): Я рисую её — ту, которую он любит. Она сломана, как и я. Воск стекает по её щекам. Через час рисунок исчезнет, как и

его надежда.Феликс (разбирает свою руку, слышится шипение): Он спросил меня: «Где у тебя душа?» Я показал ему схемы. Он заплакал и сказал, что я не машина. Но я знаю, что я — ошибка в коде, которую никто не сможет исправить.

Через две секунды Виола касается своей груди.

АРГУС: Он проиграет. Потому что слишком светел для этой тьмы.ПЕНЕЛОПА: Он проиграет. Потому что слишком добр.ИКАР: Он проиграет. Потому что прощает.

Свет гаснет и наступает тишина. Слышно только эхо слов Виолы: «...прощает». Через две секунды — снова.«...прощает»

***АРГУС: Он приходит к каждому и задаёт вопросы. Его взгляд ищет ответы в наших глазах, жестах, в каждой тени. Но мы — лишь тени. Чем дольше он на нас смотрит, тем ощущаем его одиночество. Оно, словно свет, проникает сквозь трещины, освещая нашу темноту.ПЕНЕЛОПА: Не знаю, большой он или маленький, но его сердце, наверное, такое же — огромное и переполненное. Я вижу, как он смотрит на мир, и мне хочется спрятать его от себя, от этой пыли, от этой трещины, от этой холодной белой нити.ИКАР: Он научил меня не падать. Но я не верю. Падение — это всё, что у меня есть, это моя свобода. А он дал мне надежду. И это самое страшное. Надежда — это как крылья, которые несут тебя прямо в бездну.ЛИЛИТ: Я смываю воск с её лица. Через час от него ничего не останется, как и от его прощения. Он приходит как ангел, но уходит, оставляя только пепел. И каждый раз мы ждём, что он нас спасёт или изменит. Но мы остаёмся такими, какие есть.ФЕЛИКС: Он сказал, что я не машина. Но я смотрю на мир через цифры. Я вижу боль в бинарном коде. И когда он уходит, мир становится ещё более чёрно-белым. Я начинаю разбирать свою руку снова, надеясь найти там не схемы, а что-то похожее на его печаль.ВИОЛА: ... прощает...

31.05.2026

05. 2-я Студия. Искренние чувства

Сцена 1. Усадьба. Гостиная

АГЛАЯ, сидя за роялем, рассеянно перебирает клавиши, не извлекая ни звука. В комнату входит ХРОНОМАСТЕР, но она не оборачивается.

АГЛАЯ: Вы пришли. А я думала, вы боитесь меня. ХРОНОМАСТЕР: Почему я должен вас бояться? Любопытство и страх — не одно и то же, сударыня. АГЛАЯ: Вашу прямоту здесь не оценят. В этом доме предпочитают лицемерие истине.

Она резко захлопывает крышку рояля и поворачивается к нему.

АГЛАЯ: Ваш ответ однозначен. Вы испытываете к Настасье искренние чувства? Вы любите Настасью? Отвечайте сразу. ХРОНОМАСТЕР: Да. Люблю. АГЛАЯ (после паузы): Я ожидала другого. Возможно, вы скажете, что жалеете её или пытаетесь понять её страдания. ХРОНОМАСТЕР: Жалость и понимание — это формы любви, пусть и не столь очевидные. Просто другие. АГЛАЯ: Вы странный. В этом доме, где все играют роли, вы остаетесь собой, вы — как стекло. Вас разбить можно. ХРОНОМАСТЕР: Истинность, безусловно, хрупка, но её осколки всегда сохраняют свою сущность.

АГЛАЯ медленно приближается к нему, её взгляд проникает в самую глубину его глаз, словно она пытается понять его душу.

АГЛАЯ: Я завидую ей, той, кого вы любите. Не потому, что она обладает какими-то необычными качествами, а за вашу смелость быть самим собой. ХРОНОМАСТЕР: всегда чего-то боюсь. Каждый день я сталкиваюсь с неизвестностью, но страх не должен останавливать меня от того, чтобы говорить правду. Страх — не повод молчать.

Она отворачивается, её взгляд устремляется к окну, словно в поисках ответов на свои вопросы.

АГЛАЯ: Уходите, Хрономастер. Иначе я тоже в вас влюблюсь, а это никому не нужно. Боюсь, это приведет к катастрофе для всех нас.

ХРОНОМАСТЕР на мгновение замирает, а затем покидает комнату. Аглая остается одна, глядя в окно.

Сцена 2. Вечер. Та же гостиная

АГЛАЯ, словно изваяние, стоит у окна, погружённая в свои мысли. Внезапно хлопает дверь, но она не оборачивается. В комнату входит Генеральша, нарушая хрупкую тишину.

Генеральша: Ушёл? АГЛАЯ: Ушёл. Генеральша: И правильно. Не пара он тебе. С ним только страдать. АГЛАЯ (тихо, не оборачиваясь): А с другими — притворяться? Генеральша: Притворство — неизбежная часть жизни. Притворяться — это жить среди людей. Он же предпочитает уединение с книгами. Ты действительно хочешь такую судьбу? АГЛАЯ (поворачивается): Я не ищу судьбу. Я ищу правду. Не хочу жить в обмане. Генеральша: Врать или молчать — разное. Правда у каждого своя. Ты молода, впереди у тебя ещё много возможностей. Просто забудь об этом.

АГЛАЯ подходит к столу, берёт книгу. Её пальцы касаются сухих страниц, между которыми лежит кленовый лист.

АГЛАЯ: Это он оставил. Генеральша: Лист? Зачем? АГЛАЯ: Низачем. Просто. Просто лист.

Она закрывает книгу и уходит к себе в комнату. Генеральша остаётся одна, качает головой и вздыхает.

Генеральша (шёпотом): Господи, спаси и сохрани. Всех. И его тоже.

СЦЕНА 3. Дача. Званный вечер.

На веранде собрались: Генерал, Чиновник, Меркантилиус, Садовник, Настасья, Аглая и Хрономастер. Стол был уставлен самоваром, закусками и бутылками. Летние сумерки мягко окутывали пространство.

ЧИНОВНИК (подняв рюмку, произносит тост): Господа, я предлагаю тост за порядок! За то, чтобы в жизни всё было на своих местах!МЕРКАНТИЛИУС поддерживает: За деньги, Чиновник! Без них и порядка не будет!Генерал завершил тост: За Родину!

Гости выпили, и на мгновение воцарилась тишина. Настасья, погруженная в свои мысли, смотрела в сад, а Аглая, сидя напротив, нервно крутила бокал. Её движения выдавали внутреннюю напряжённость беспокойство.

В это время садовник входит с огромной старинной вазой, покрытой изысканной росписью.

САДОВНИК: Вот, нашёл в подвале. Она пылилась там лет двадцать. Думаю, можно поставить на стол.Он поставил вазу в центр стола, и все присутствующие обратили на неё внимание.ЧИНОВНИК (оценивая её взглядом знатока, произнес): Антиквариат! Дорогая вещь. Надо оценить.МЕРКАНТИЛИУС (прищурившись, добавил): Фарфор. XIX век. Без сколов. Редкая находка.Генерал (вспоминая прошлое, сказал): Помню эту вазу. Она принадлежала ещё моему деду и стояла целое состояние.АГШАЯ (внезапно поднявшись, подошла к вазе и произнесла): Красивая. Но пустая.НАСТАСЬЯ (тихо, словно размышляя вслух): Все красивые вещи рано или поздно становятся пустыми.МЕРКАНТИЛИУС (не скрывая своего восхищения): Я бы купил эту вазу, не задумываясь.ХРОНОМАСТЕР: А я бы не стал.

Все присутствующие оборачиваются на их голоса.

ХРОНОМАСТЕР: Ваза — это всего лишь вещь. Она не может быть важнее людей.ЧИНОВНИК (с иронией): Как же вы наивны. Вещи определяют статус.ХРОНОМАСТЕР (не соглашаясь, возразил): Статус определяется не тем, что у тебя есть, а тем, кто ты есть.

Наступает молчание. Садовник берет вазу и собирается отнести её в сторону.САДОВНИК: Уберу, чтобы не сглазить.

Генерал: Оставь её. Пусть стоит. Красота тоже заслуживает внимания.Вечер продолжался, и луна медленно поднималась над садом, озаряя его своим светом.

30.05.2026

06. 1-я Студия. Эхо стеклянной судьбы. микро-пьеса

Сцена 1

Лофт с характерными индустриальными элементами. Пыльный свет, создающий мрачную атмосферу. У окна стоит Аргус, погружённый в размышления. На полу, сосредоточенно распутывая клубок нитей, сидит Пенелопа. Лилит, используя восковые мелки, рисует на стене силуэт женщины, чьи черты постепенно обретают форму. Феликс, облачённый в рабочий халат, занимается разборкой Икара, который парит вверх ногами над полом. Несмотря на своё необычное положение, Икар сохраняет спокойствие: его глаза остаются неподвижными, а на губах играет лёгкая усмешка.

ЛИЛИТ (не отрывая взгляда от своей работы, тихо, но уверенно): Она проходит сквозь стену, как эфемерный свет. Слышишь, АРГУС? АРГУС (его голос звучит едва слышно, но в нём ощущается глубокая пронизательность): Я слышу, как осыпается штукатурка. За ней отчётливо различимы шаги. Но это не просто шаги. Это код, переписанный на ходу.

В этот момент в помещение входит Виола. Её появление сопровождается едва заметной задержкой в две секунды, словно она намеренно повторяет движение Лилит. Замерев в дверях, она устремляет взгляд на сцену перед собой.

ИКАР (его голос звучит легкомысленно, но с оттенком иронии): Смотрите! Она пришла судить нас. Скамейка здесь — это ящик со сломанными руками Феликса. Садись, же. ПЕНЕЛОПА (не поднимая головы): Ткань рвётся. Каждый стежок — это отказ. Она хочет, чтобы кто-то сел рядом. Но никто не сядет. Это лишь иллюзия выбора. ФЕЛИКС (его голос хриплый, он продолжает свою работу, выкручивая винт в плече Икара): Если разобрать её — что мы найдём? Те же медные проводники, те же электрические импульсы? Или в ней скрыта душа, как моя — заржавевшая и забытая? ЛИЛИТ (останавливается, её взгляд падает на восковой рисунок): Рисунок тает. Её силуэт на стене — это я. Я рисую себя её пальцами. ВИОЛА (спустя две секунды повторяет, её голос звучит эхом): ...её силуэт... её пальцами... АРГУС (поворачивается к пустому подоконнику): Она уже ушла. Её присутствие здесь было кратковременным, как один вдох. Мир не смог выдержать наложения двух параллельных реальностей. ИКАР (улыбка исчезает с его лица, он задумчиво смотрит на Виолу): Тогда зачем она приходила? Чтобы напомнить нам, что мы — всего лишь электрические импульсы в сети? ПЕНЕЛОПА (впервые поднимает глаза, нити падают на пол): Чтобы напомнить: даже у симулякра есть выбор — уйти или остаться ждать.

Все персонажи замирают в напряжённой тишине. Только Виола, спустя две секунды, повторяет: «...уйти или остаться ждать...»

Свет гаснет, оставляя лишь слабые отблески. На стене остаётся едва заметный восковой след женщины, который постепенно растворяется в темноте, оставляя лишь лёгкую улыбку, напоминающую о её мимолётом присутствии.

Сцена 2

Лофт. В центре стоит ящик с инструментами, который служит скамейкой. Аргус неподвижно замер у стены. Пенелопа вяжет, перебирая нити. Икар парит, едва касаясь потолка пальцами. Виола задумчиво смотрит на пустой ящик.

ИКАР (кружась): Ждём? Кого мы ждём? Того, кто умеет ходить, не падая? ЛИЛИТ (рисует на стене женский профиль): Она придёт. Каждый день один и тот же рисунок. Один и тот же поворот головы. ПЕНЕЛОПА (моток ниток падает на пол): Я знаю этот разрез глаз. Дорога в никуда, обрывающаяся у её шеи. АРГУС (не поворачиваясь): Она уже здесь. Она стояла в этом углу три года назад. И пять лет назад. И семь. ФЕЛИКС (ковыряется в плече Виолы, та не морщится): Молчи, Аргус. Ты видишь слишком много. Лучше скажи — есть у неё душа? Я могу её починить? ВИОЛА (с задержкой эхом): ...починить её... В комнату Входит

Она — идеальный симулякр Аглаи. Стеклянная. Садится на ящик. АГЛАЯ: Ты, — показывает на пустой подоконник у стены. — Садись.

Все молчат. Аргус медленно поворачивается. В лофте повисла тишина, которую нарушало лишь шипение Феликса.

АРГУС: Я не могу сидеть. Я даже не стою. Я — память. АГЛАЯ: Память не выбирает скамейку. Ты — самозванец. Все вы. Где князь, который обещал любить меня без условий?

ИКАР падает на пол — с глухим стуком. Впервые в жизни. Он лежит неподвижно, не пытаясь подняться.

ПЕНЕЛОПА (тихо): Его здесь нет. АГЛАЯ (встаёт, смотрит на Лилит, на её тающий рисунок): Никого нет. Я одна прихожу сюда. Каждый день.

ЛИЛИТ отводит взгляд, и рисунок исчезает.

АГЛАЯ (поворачиваясь к Аргусу): Ты помнишь, что он сказал на той скамейке? АРГУС (пауза): Он сказал: «Я люблю вас». Но это было не вам.

АГЛАЯ замирает. Затем уходит за стену, не оборачиваясь.

ВИОЛА (через две секунды, одними губами): ...не вам...

Свет в лофте гаснет. АРГУС смотрит в окно. ПЕНЕЛОПА поднимает упавшую нить.

Сцена 3

В центре просторного лофта стоит старый деревянный ящик. У окна, изучая пыль на корешках книг, стоит Аргус. Пенелопа, не поднимая головы, перебирает нити. Икар, медленно кружась под потолком, касается пальцем облупившейся краски. Лилит рисует на стене женский силуэт. Феликс, склонившись над плечом Виолы, которая застыла, словно глядя в пустоту, продолжает своё занятие.

ИКАР (не прекращая кружения): Она идёт. Я слышу её шаги — лёгкие, будто она не касается пола. АРГУС (тихо): Она всегда приходит в одно и то же время. И всегда уходит.

В этот момент в комнату входит АГЛАЯ. Она садится на ящик, выпрямив спину, и устремляет взгляд на пустой подоконник. АГЛАЯ: Ты. Садись рядом.

Тишина. Никто не шевелится.

ПЕНЕЛОПА (нить падает на пол): Его здесь нет. АГЛАЯ (резко поворачивается к ней): Я знаю. Но вы — его тени. Вы должны помнить, что он говорил. ФЕЛИКС (шипит, откладывая отвертку): Мы помним только код. Ничего больше. АГЛАЯ (вставая, её голос дрожит): Он сказал, что любит меня и спасёт. Где же он теперь? ЛИЛИТ (рисунок на стене начинает таять): Он остался там, где ты его оставила.

АГЛАЯ замирает, её взгляд мечется между Лилит, Аргусом и пустым подоконником.

АГЛАЯ (тихо): Я приходила сюда каждый день, надеясь, что он вернётся. АРГУС (поворачиваясь к ней): Он вернулся. Но ты не узнала его.

АГЛАЯ отступает на шаг, её взгляд падает на собственные руки.

ВИОЛА (через две секунды, эхом): ...не узнала...

АГЛАЯ исчезает за стеной, а Лилит заканчивает рисовать силуэт, оставляя его пустым.

31.05.2026

07. 2-я Студия. Если оставаться до утра. микро-пьеса

Сцена 1. Дача. Сад. Ночь.

АГЛАЯ выходит из дома и обнаруживает Хрономастера, стоящего у старой яблони. К ним приближается Настасья, а из тени появляется Меркантилиус.

АГЛАЯ: У меня больше нет сил молчать. Прошу вас, при всех присутствующих, открыто и честно ответить: кого вы на самом деле любите? ХРОНОМАСТЕР: Я люблю вас всех, но по-разному. МЕРКАНТИЛИУС (усмехаясь): Дипломатия. Ты так и не скажешь правду. НАСТАСЬЯ (тихо): Он уже дал ответ. Ему невыносима мысль причинить боль одной из нас, поэтому он никого не выберет. АГЛАЯ (вспыхивая): Мне не нужна жалость. Скажите, кто вам дороже? Я хочу знать: я или она? ХРОНОМАСТЕР: Вы обе хотите от меня того, чего я не могу дать. Выбирать — значит обидеть, предать одну из вас. Я не способен и не готов на такой поступок.

МЕРКАНТИЛИУС решительно подходит к Настасье и берёт её за руку.

МЕРКАНТИЛИУС: А я выбираю. Я выбираю её. Люблю её и готов бороться за её счастье. НАСТАСЬЯ (с горечью вырывает руку и произносит): Ты хочешь владеть мной, как вещью. АГЛАЯ (холодно обращается к Хрономастеру): В таком случае ваше присутствие здесь неуместно. Я не хочу быть частью этой драмы. Уходите.

ХРОНОМАСТЕР смотрит на неё, затем на Настасью и наконец на Меркантилиуса.

ХРОНОМАСТЕР: Если вы этого хотите, я уйду. Но помните: истина не в выборе. Истина в том, чтобы не обманывать себя.

С печалью взглянув на них, Хрономастер исчезает в темноте сада. Аглая сжимает кулаки, её лицо выражает решимость. Настасья, погруженная в свои мысли, садится на скамейку. Меркантилиус, погружённый в свои размышления, закуривает сигарету и смотрит в ночное небо.

Сцена 2 Квартира Меркантилиуса

Лофт, обставленный с изысканной роскошью, но с элементами беспорядка, что подчеркивает напряжённую атмосферу. На столе лежит ноутбук, окружённый пустыми бутылками.

Меркантилиус, увлечённый работой за ноутбуком, не замечает, что происходит вокруг. Настасья, стоя у окна, наблюдает за происходящим. Входит Хрономастер.

МЕРКАНТИЛИУС (с сарказмом): Твое преклонение перед пунктуальностью впечатляет. Явился. Признаться, я не был уверен, что ты придёшь. ХРОНОМАСТЕР: Ты звонил, и я пришёл. НАСТАСЬЯ (не оборачиваясь): Он хочет, чтобы ты рассудил нас, как третейский судья. МЕРКАНТИЛИУС (раздражённо): Она уходит. Она говорит, что я её «купил». На самом деле я просто люблю её. НАСТАСЬЯ (поворачивается, резко): Ты купил мне сумку за два миллиона. А через час сказал, что я твоя собственность, твоя вещь. Это любовь? ХРОНОМАСТЕР (с ледяной улыбкой): Это не любовь. Это собственничество. МЕРКАНТИЛИУС (вскакивает): А ты кто такой? Святой? Ты вообще когда-нибудь любил? ХРОНОМАСТЕР (с усмешкой): Я любил и проиграл. Никто не вправе судить о чужих чувствах. Истинная любовь — это желание быть рядом без принуждения. Надо понять: любовь — это присутствие человека рядом, потому что он хочет, а не потому, что должен.

НАСТАСЬЯ смотрит на Хрономастера. Пауза.

НАСТАСЬЯ: Все вы хотите владеть. Никто не хочет просто быть рядом.

Она берёт куртку. Идёт к двери.

МЕРКАНТИЛИУС (тихо): Остановись. Прошу тебя. НАСТАСЬЯ: Поздно.

Уходит. Меркантилиус садится на пол.

МЕРКАНТИЛИУС (тихо): Уезжай. Всё равно вернёшься. Такова природа человеческих отношений. Все возвращаются. ХРОНОМАСТЕР (Меркантилиусу): Не держи её. Отпусти.

Пауза. Чиновник заглядывает в дверь.

ЧИЛОВНИК: Я слышал крики. Опять скандал?ХРОНОМАСТЕР: Уже нет.ЧИЛОВНИК: А где Настасья?МЕРКАНТИЛИУС: Ушла.ЧИЛОВНИК (с сожалением): Очень жаль. Я хотел взять у неё интервью.ХРОНОМАСТЕР: Она не вещь. Она живой человек.ЧИЛОВНИК: В конечном итоге, князь, мы все — лишь товар. У каждого своя цена, и она может быть разной.ХРОНОМАСТЕР (кивая): Я знаю.

Сцена 3

Квартира Меркантилиуса. Ночь.

ХРОНОМАСТЕР входит в полумрак комнаты, где Меркантилиус, сидя на полу, погружён в свои мысли. Рядом валяется пустая бутылка. На столе стоит разбитая ваза привезенная с дачи.

МЕРКАНТИЛИУС: (не поднимая головы) Ты пришёл. Я знал, что ты придёшь.ХРОНОМАСТЕР: Где она?МЕРКАНТИЛИУС: Уехала. Навсегда. Сказала, что устала от всех нас.

Он поднимается с пола и направляется к вазе.

МЕРКАНТИЛИУС: Я разбил её. Ту самую, с дачи. Вдребезги.ХРОНОМАСТЕР: Всё можно склеить.МЕРКАНТИЛИУС: Нет, не всё.МЕРКАНТИЛИУС: Посмотри. Она разбита.

ХРОНОМАСТЕР замечает трещину на боку вазы — тонкую, но глубокую, рассекающую узор.

МЕРКАНТИЛИУС: Это я её уронил. Когда узнал, что она уезжает. Сначала хотел склеить. А потом понял — бесполезно. Трещина останется навсегда.ХРОНОМАСТЕР: Как и всё, что мы не можем исправить.МЕРКАНТИЛИУС: (горько) Да. Я думал, что смогу всё контролировать: деньги, связи, людей. А в итоге у меня только пустая комната и разбитая ваза.

Он вновь опускается на пол, погружаясь в свои мысли.

МЕРКАНТИЛИУС: Ты был прав, князь. Я действительно хотел обладать ею, а не любить.ХРОНОМАСТЕР: Ты любил, по-своему. Просто не знал, как выразить свои чувства иначе. Не умел.МЕРКАНТИЛИУС (поднимает глаза): Что мне теперь делать?ХРОНОМАСТЕР: Жить. И не разбивать больше ничего и никого.

МЕРКАНТИЛИУС молчит. Хрономастер подходит к окну, за которым начинает светать.

МЕРКАНТИЛИУС: Чёрт, ты действительно добрый. Это так раздражает.ХРОНОМАСТЕР: Я знаю.МЕРКАНТИЛИУС: Останься до утра.ХРОНОМАСТЕР: Хорошо, я останусь.

Они сидят в тишине, наблюдая, как рассвет медленно заполняет комнату. Разбитая ваза стоит на столе.

31.05.2026

08. 1-я Студия. Нож еще не опущен. микро-пьеса

Сцена 1

Этот Лофт оказался лишь иллюзией. Высокие окна, затянутые пыльными шторами, массивные дубовые балки под потолком, лампы с коптящим воском — всё это лишь воссозданная копия дома, где когда-то произошло убийство.

АРГУС стоял у стены, нежно касаясь её кончиками пальцев, словно пытаюсь уловить невидимую историю, словно написанную в самом воздухе. АРГУС: Он привёл её сюда, чтобы показать, кто он есть (произнёс Аргус, не поворачивая головы). Не из злобы. Из любви. Но это была самая жестокая, самая ужасная любовь из возможных. ПЕНЕЛОПА сидела на полу, разложив вокруг себя мотки шерсти. Она плела узор, напоминающий паутину, которая вела к центру стола, где лежал платок.

ПЕНЕЛОПА: Она знала. Все знают. Но некоторые приходят туда, где их обещали убить, потому что не верят обещаниям. Она была глупа.

ФЕЛИКС стоял у неработающего камина, скрестив руки. Из его горла доносилось низкое гудение — сбой в системе охлаждения.

ФЕЛИКС: Ты говоришь о живом человеке, а мы — лишь копии. Мы лишь изображаем сострадание, но не чувствуем его. Если бы он был одним из нас, он бы остановился за секунду до удара. Потому что он не знал, что будет после. ВИОЛА (произнесла с опозданием, и её голос эхом разнёсся по комнате): Но он не остановился.

ИКАР парил под потолком, сложив руки на груди.

ИКАР (тихо): Возможно, он хотел умереть сам — в тот момент, когда ударил её. Мы никогда не узнаем. Потому что мы не живём. Мы лишь повторяем.

Платок лежал на столе. До следующего цикла.

Сцена 2

В лофте витал запах пыли и электричества. В центре комнаты на столе, накрытом тёмной скатертью, лежал платок — «вещь», которая хранила в себе тайну произошедшего.

АРГУС стоял неподвижно, не моргая, его взгляд был прикован к складкам ткани: «Красота спасёт мир», — сказал он спокойно, почти бесстрастно. Но здесь она не спасла никого. Она лишь погубила. Ибо в этой красоте было «что-то страшное». ПЕНЕЛОПА вязала, и нить путалась в её пальцах: Она знала, что идёт на смерть. Знала, но не могла не пойти. «Разве я не говорила вам, что она сумасшедшая?»

ФЕЛИКС ударил кулаком по столу, и платок задрожал.

ФЕЛИКС (воскликнул): Но он! Он ведь тоже «до конца хотел объявить ей всё»! Он привёл её, чтобы она увидела — увидела «всю его душу». А что она увидела? Нож?

ВИОЛА повторила жест Феликса, но с опозданием и беззвучно. ВИОЛА (эхом откликнулась): Нож.

ИКАР медленно опустился с высоты, почти касаясь пола носками (произнес он, глядя на платок): Знаете, что такое для нас смерть? Мы все лишь распинаем друг друга. И не можем иначе. АРГУС наконец-то перевел взгляд на остальных: Счастье не в счастье, а лишь в его достижении. Они оба достигли его. Один — с помощью ножа. Другая — в вечности, где ее больше нет. А мы остались здесь, в этом лофте, чтобы повторить их урок.

Он протянул руку, взял платок и накрыл им лампу.

Свет погас. И в темноте, на мгновение, всем показалось, что они слышат крик — тот самый, из романа, который никто никогда не напишет до конца.

Сцена 3

Лофт был погружён в серый электрический свет, создавая впечатление, что здесь никогда не наступает день. За длинным столом, уставленным недопитыми кружками, собрались симу-

лякры, погружённые в молчаливые размышления. В центре стола лежал выцветший шёлковый платок.

АРГУС, не мигая, смотрел в стену, словно мог видеть сквозь неё и сквозь время. АРГУС (произносит голосом, напоминающим шелест страниц): Я не могу понять. Он пришёл к ней не для того, чтобы убить или причинить вред. Он пришёл, чтобы увидеть её лицо, когда она поймёт, когда она осознает происходящее.

ПЕНЕЛОПА (не отрываясь от вязания, тихо произнесла, словно обращаясь не к себе, а к спицам): Она всегда возвращается. Даже после того, как её растерзали. Она не знает иного финала. ФЕЛИКС стремительно поднялся, и его позвоночник с металлическим хрустом выпрямился. ФЕЛИКС (воскликнул, ударив кулаком по столу) Ты не понимаешь! Он не человек! Его, как и нас, создали для того, чтобы наблюдать за трагедией. Мы такие же. Мы — всего лишь её эхо. Мы смотрим и не можем отвернуться.

ВИОЛА подняла голову ровно на две секунды позже его движения. Она повторила удар кулаком, но воздух остался неподвижным. ВИОЛА (прошептала): Наблюдаем.

Только ИКАР улыбнулся и медленно, словно в петле, поднялся над полом. Его лицо было спокойно.

ИКАР (его голос звучал откуда-то сверху): Но он хотя бы пытался её спасти. А мы даже не попытаемся. Разве это не делает нас хуже?

И тогда повисла тишина. Та самая — в которой нож уже занесён, но ещё не опущен. Лофт замер, и каждый симулякр почувствовал: эту сцену они будут переигрывать вечно.

31.05.2026

09. 2-я Студия. Импровизируй. Или просто... будь

Сцена 1.

Лофт-студия. Полумрак. НАСТАСЬЯ прислонилась к оконному стеклу, положив на него ладонь. ХРОНОМАСТЕР сидит на полу, держа в руках вазон в форме черепа.

НАСТАСЬЯ: (не оборачиваясь) Вопрос не в том, существовать или нет. ХРОНОМАСТЕР: А в чем же тогда? НАСТАСЬЯ: В том, сколько обличий можно примерить, прежде чем утратишь собственную идентичность, прежде чем забудешь свое подлинное лицо.

Пауза. Настасья поворачивается к нему.

НАСТАСЬЯ: Гамлет разыгрывал безумие ради выживания. Я же изображаю нормальность, чтобы сохранить рассудок. Разница лишь в декорациях. ХРОНОМАСТЕР (поднимает череп): А это - Шут, который всегда знал правду. НАСТАСЬЯ: (подходит ближе, берёт череп из его рук) : У шутов была привилегия им позволялось говорить горькую правду под видом шутки. (Смотрит в пустые глазницы) Я завидую мёртвым. Им больше не нужно притворяться. ХРОНОМАСТЕР: Ты ещё жива. Сцена не закончена. НАСТАСЬЯ (кладет череп на пол и смотрит на Хрономастера): Тогда подскажи, как быть, если весь мир — это театр, а я забыла свою роль? ХРОНОМАСТЕР: Импровизируй. Или просто будь собой. НАСТАСЬЯ: Но ведь быть собой — это тоже роль, не так ли? Роль несчастной, сильной, уязвимой. А что, если я не хочу играть? Если я — лишь пустота, наблюдающая за этим представлением? ХРОНОМАСТЕР: Пустота, которая маскируется под всё. Но она поглощает изнутри. Ты ищешь истину в мире лжи. Это сложно. НАСТАСЬЯ: Но ведь и ложное может стать реальностью, если верить в него достаточно долго. Если оно вплетается в тебя. Если оно становится частью тебя. Мы настолько привыкаем к своим маскам, что забываем, кем были раньше. ХРОНОМАСТЕР: И тогда вопрос «быть или не быть» теряет всякий смысл. Остаётся лишь «казаться». Казаться кем угодно, лишь бы избежать боли от столкновения с истиной — с собой. НАСТАСЬЯ (обречённо): Значит, мы обречены носить эти маски, пока они не врастут в кожу, пока не станем чужими портретами. Реальность... Она где-то там, за окном, или ее никогда не существовало?

Пауза,

НАСТАСЬЯ: Импровизировать? Но как, когда каждая новая роль — лишь новый слой краски на старом холсте? Я пыталась. Меняла костюмы, слова, даже время. Но душа оставалась прежней — загнанной в угол, ищущей выход, которого нет. Этот лофт стал моей репетиционной сценой, где я оттачиваю несуществующие действия, собирая осколки себя. ХРОНОМАСТЕР: А может быть, ты ищешь не выход, а вход? Вход в себя, настоящую, без притворства. Твоя душа не загнана, она просто ещё не нашла свой голос в этом хоре притворства. Ты видишь в этом черепе лишь финал игры. Но я вижу начало. Истина — не в словах, а в тишине между ними. НАСТАСЬЯ: Тишина... Она оглушает меня. В ней звучат все те голоса, которые я пыталась подавить, все те маски, которые я примеряла. Я смотрю в зеркало и не узнаю себя. Там лишь отблески тех, кем я когда-то была. И самое страшное — я задаюсь вопросом: была ли я вообще? Или я лишь искусная имитация, сложенная из чужих отражений? ХРОНОМАСТЕР: Ты здесь, ты говоришь, ты чувствуешь — это уже больше, чем могут сказать о себе многие. В театре есть зрители. И твоя игра, даже если ты сама забыла свою роль, может стать открытием для кого-то. Импровизируй, Настасья, даже если это будет импровизация молчания. Возможно, именно в нём ты услышишь свой настоящий голос. НАСТАСЬЯ: (снова берёт череп, проводит пальцем по его скуле) Тишина... Молчание... Как же я раньше не замечала этого? Весь этот лофт, полный теней и призраков, может быть всего лишь декорацией к моему собственному безмолвному монологу. Спасибо. Кажется, я начинаю видеть не только конец, но и начало. И, возможно, в этой тишине я найду свою истинную роль — роль самой себя. НАСТАСЬЯ: (шепотом, в темноте): Быть собой... Это значит отказаться от всех ролей и масок,

обнажить себя перед зеркалом, в котором отражается лишь чужое, вымышленное существо. И в этой обнажённости, в этой уязвимости, возможно, и кроется моя истинная сущность. То самое, что Гамлет пытался найти за завесой своих притворств. ХРОНОМАСТЕР (голос из темноты, словно эхо): А что, если зеркало разбито? Если отражение утратило свою чёткость и стало неузнаваемым? Тогда импровизация становится единственным способом найти выход. Создать новую роль из хаоса и обломков. Это единственный путь, когда перестаёшь искать кого-то другого и начинаешь слушать самого себя. НАСТАСЬЯ (задумчиво): Но что, если внутри нас только пустота? Если за всеми нашими масками и попытками быть кем-то другим скрывается эта бездна? Тогда импровизация может стать лишь ложной игрой, которая лишь усиливает нашу иллюзию.

ХРОНОМАСТЕР (спокойно возразил): Пустота — это тоже форма существования. Она подобна чистому холсту. Не бойся её. В ней скрыта свобода — свобода творить, создавать свою сущность из ничего, из тишины и мерцания даже в самой глубине тьмы. ХРОНОМАСТЕР: Импровизируй. Или просто... будь.

Сцена 2

Лофт превратился в лес. Стены стали стволами деревьев, а окна — просветами. Пол покрылся мхом и прелой листвой. Настасья, сидя под деревом, которое выросло из дивана, наблюдает за Хрономастером, стоящим у опушки (там, где раньше была дверь).

НАСТАСЬЯ: (шёпотом) Ты слышишь? ХРОНОМАСТЕР: Только тишину. НАСТАСЬЯ: Нет. Лес дышит. У него есть пульс. Он помнит каждую девочку, которая когда-либо заблудилась здесь. ХРОНОМАСТЕР (делает шаг вперёд): Я зашёл слишком далеко, чтобы найти выход. НАСТАСЬЯ (смотрит на свои руки): Выхода нет. Есть только тропы, ведущие вглубь. Я пыталась оставить следы — ленту, нитки, крошки, но всё сгнило. Всё поглотил мох. ХРОНОМАСТЕР (садится рядом): Тогда перестанем искать выход. Подними голову. НАСТАСЬЯ (поднимает голову): Там только кроны. Свет пробивается сквозь них каплями. ХРОНОМАСТЕР: Этого достаточно.

Пауза. Где-то кричит птица.

НАСТАСЬЯ: А если мы останемся здесь навсегда? ХРОНОМАСТЕР: Значит, научимся жить во мху. Станем частью леса. Его корнями. НАСТАСЬЯ (прижимает голову к его плечу): Тогда пусть мох растёт быстрее.

Свет гаснет, и лес окутывает их своим безмолвием.

Сцена 3

Лофт-студия залита зимним светом — белым и болезненным, он льётся, словно молоко. НАСТАСЬЯ лежит на полу, раскинув руки, её платье разорвано у ворота. Рядом стоит пустой графин.

ХРОНОМАСТЕР (сидит у стены, уставившись в одну точку): Ты не двигаешься уже три часа. НАСТАСЬЯ: Я чувствую, как вращается планета, и это вызывает у меня тошноту. ХРОНОМАСТЕР: Может быть, тебе лучше сесть? НАСТАСЬЯ: Зачем? Чтобы снова встать и упасть? Я устала от этих бесконечных качелей. ХРОНОМАСТЕР (после паузы): Я принёс тебе яблоко. НАСТАСЬЯ (не поворачивая головы): Оно тоже гнилое. Всё внутри гниёт. Всё гнилое. Мир — это труп, который забыли похоронить. Мы живём внутри разложения. ХРОНОМАСТЕР: Яблоко свежее. Я сам его сорвал. НАСТАСЬЯ (тихо, почти беззвучно): Всё равно. Всё равно всё разлагается. Любовь — это просто более медленная форма гниения.

Свет становится ещё белее. Хрономастер не двигается, лишь смотрит на неё. Время будто останавливается.

ХРОНОМАСТЕР: Тогда я буду гнить рядом с тобой. Хотя бы это мы сделаем вместе. НАСТАСЬЯ (закрывая глаза): Это самое ужасное, что ты мог сказать. ХРОНОМАСТЕР: Потому что это правда? НАСТАСЬЯ: Потому что это делает разложение... почти красивым.

Она остаётся неподвижной, он не двигается. Свет не меняется, Кажется, время остановилось — или умерло.

Сцена 4

Лофт-студия. Серый рассвет. Настасья сидит на диване, укутавшись в плед. Перед ней — открытый чемодан с детскими вещами. ХРОНОМАСТЕР стоит у окна.

НАСТАСЬЯ: Знаешь, есть люди, которых с самого начала ставят на определённое место, сортируют. Не брак, но и не товар первого сорта. Так и живут — между полкой уценённых и витриной. ХРОНОМАСТЕР: (оборачиваясь): Кто тебя рассортировал? НАСТАСЬЯ: Все. Сначала школа. Потом мужчины. Потом алгоритмы. Они знали мой рейтинг лучше, чем я сама. Хрономастер (подходит, садится рядом): Рейтинг — не диагноз, не приговор. НАСТАСЬЯ (доставая из чемодана старую фотографию, с нежностью говорит): Это я в семь лет. Смотрю в объектив так, будто прошу: «Забери меня отсюда». Но никто не пришёл за ней, не забрал. ХРОНОМАСТЕР: (с пониманием отвечает): Я здесь. НАСТАСЬЯ (немного помедлив, с теплотой добавляет): Ты опоздал на двадцать лет. ХРОНОМАСТЕР: (не смущаясь, говорит): Лучше поздно, чем никогда. НАСТАСЬЯ (взглянув на него, спрашивает): Ты правда думаешь, что меня можно... дорастить? Довести до кондиции «пригодна для счастья»? ХРОНОМАСТЕР: (решительно возражая, уверяет): Я уверен, что ты никогда не была бракованной. Просто тебя никто не учил принимать себя такой, какая ты есть, без всяких оценок.

НАСТАСЬЯ, погружённая в размышления, молчит. Затем, впервые за долгое время, закрывает чемодан без привычной дрожи.

Сцена 5

Лофт-студия. Через панорамные окна пробивается серый рассвет. Настасья, закутавшись в плед, сидит на кожаном диване. Напротив неё Хрономастер с книгой.

НАСТАСЬЯ (не глядя на него): О чём читаешь? ХРОНОМАСТЕР (листая книгу): О детях, которых признали условно пригодными для жизни. Не совсем бракованными, но и не годными для обычной жизни. Посредниками между мирами. НАСТАСЬЯ (горько усмехается): Знакомый сценарий. Меня тоже когда-то оценили. По шкале вовлечённости — 9,2. По шкале человечности — ноль. ХРОНОМАСТЕР (закрывая книгу): автор пишет: «Условно пригодные видят то, что другие предпочитают не замечать. Они — живые барометры чужой боли». НАСТАСЬЯ: Мой барометр сломан. Я измеряю только лайки. ХРОНОМАСТЕР (сидя рядом): Нет, это не так. Ты сожгла деньги не для хайпа. Ты хотела проверить, останется ли кто-то после фейерверка. НАСТАСЬЯ (шёпотом): Остался только ты. ХРОНОМАСТЕР: И это не просто так. Это действительно так. Это не условно. Это — безусловно.

Она кладёт голову ему на плечо. За окном начинает падать снег. Снег крупный, мокрый и невесомый, словно снежинки из сказки)

31.05.2026

10. 2-я Студия. Свидание на скамейке. микро-пьеса

Сцена 1

В той же лофт-студии царит полумрак. Настасья сидит на полу, прислонившись спиной к стене. Перед ней стоит открытый чемодан, в котором можно увидеть детские рисунки, старого плюшевого зайца и моток бечёвки.

ХРОНОМАСТЕР (сядаясь напротив): Что это? НАСТАСЬЯ: Это моя камера хранения. Внутри — та девочка, которую я не успела спасти. Себя. ХРОНОМАСТЕР (шёпотом): Сколько лет ей? НАСТАСЬЯ: Семь. Она всё ещё ждёт, когда за ней придут. (Пауза) Хёг писал: «Дети из камеры хранения — это те, кого забыли забрать. Они учатся жить без света, без тепла, без прикосновений. Они становятся неуязвимыми. И мёртвыми внутри». МЕРКАНТИЛИУС (из кресла, не отрываясь от телефона): Брось этот чемодан в камин. Сожги — и освободишься. САДОВНИК (поливая вазон на подоконнике): Освобождение — не в огне. Освобождение — когда кто-то открывает дверь и говорит: «Прости, я опоздал. Но теперь я здесь». НАСТАСЬЯ (нежно прижимая к груди своего зайца, с глубокой печалью в голосе): Я пронесла этот чемодан через все аккаунты, постели, деньги. Я думала, что если стану видимой, меня заметят. Но вместо этого заметили только мою маску. ХРОНОМАСТЕР (протягивает руку и просит): Отдай мне зайца. НАСТАСЬЯ (не задумываясь, отвечает): Нет, не отдам. Он — единственное, что осталось от той девочки. ХРОНОМАСТЕР с искренней теплотой в голосе уверяет: Я не заберу его. Я подержу его, пока ты будешь учиться выходить из камеры хранения.

Она медленно, с недоверием, кладёт зайца в его ладони. Хрономастер гладит зайца по вытертому уху.

ХРОНОМАСТЕР: Теперь ты не одна. Нас много. Мы учимся дышать заново. Настасья плачет. Впервые — не для камеры.

Сцена 2

Старый парк на окраине города. Скамейка под липой, зелёная краска облупилась, на сиденье — газета. Вечер, тишина, запах мокрой травы. Настасья сидит, подобрав под себя ноги, а рядом с ней — Хрономастер, сжимающий в руках бумажный стаканчик с чаем.

ХРОНОМАСТЕР: Здесь нет вышек. Я проверял. НАСТАСЬЯ (смотрит в небо): Страшно. Как в детстве, когда выключали свет и оставалась только луна. ХРОНОМАСТЕР: Ты дрожишь. НАСТАСЬЯ: Это не от холода. Это от тишины. Она слишком громкая.

Пауза. Шуршит листва.

ХРОНОМАСТЕР: Я хотел сказать тебе... Там, в лофте, я соврал. Про то, что ничего не хочу получить. НАСТАСЬЯ (поворачивается) Соврал? ХРОНОМАСТЕР: Я хочу. Очень. Чтобы ты осталась. Не в кадре, не в ленте — здесь. На этой скамейке. Со мной. НАСТАСЬЯ (тихо): Ты просишь невозможного. Я не умею быть — я умею только казаться. ХРОНОМАСТЕР: Тогда научись. (кладёт ладонь на её руку): Я подожду. У меня есть время. НАСТАСЬЯ (задумчиво смотрит на свои руки, затем на него): А что, если у нас не получится? ХРОНОМАСТЕР (улыбается) В таком случае, посадим ещё одну грядку.

Она кладёт голову ему на плечо. Зажигаются фонари, излучая мягкий жёлтый свет.

НАСТАСЬЯ: Кажется, я перестаю дрожать.

ХРОНОМАСТЕР: Это только начало.

30.05.2026

11. 1-я Студия. Он забыл, зачем создали. микро-пьеса

Лофт-студия. Свет — белый, больной, тяжелый, как свинец. Лилит стоит у стены, вода пальцем по штукатурке. За ней — восковой след, похожий на крыло. Виола сидит в углу, повторяя её движения с задержкой в две секунды.

ЛИЛИТ (не оборачиваясь): Я рисую одно и то же каждую ночь. Крыло. Падающее. Оно стирается к утру.

АРГУС стоит у окна. Не двигается. Смотрит сквозь стекло на серое небо.

АРГУС: Я помню всех, кто здесь жил. Их было семнадцать. Никто не ушёл по-настоящему. ИКАР (парит в дюйме от пола, слегка покачиваясь): А я помню только падение. Снова и снова. Оно приятное. Как сон, где ты уже мёртв. ПЕНЕЛОПА (не поднимая глаз от вязания, голос тихий, как шорох): Я жду. Жду. Жду. Нити путаются. Я не помню, для кого этот шарф. ФЕЛИКС (ковыряется в открытой груди Виолы, шипение нарастает): Если я найду разъём — если я пойму, где кончается петля — я выключу нас всех. Это будет милосердие. ВИОЛА (с задержкой): Это будет... милосердие. ЛИЛИТ (проводит рукой по стене — рисунок исчезает): Милосердие — это когда кто-то стирает тебя. А ты даже не замечаешь.

АРГУС стоит у окна. Он видит всё — пыль, сквозняк, дрожание света, — но не видит выхода. ЛИЛИТ (шепчет): Я не знаю, что такое «быть». Она сидит у стены и рисует воском чей-то портрет. Лицо выходит размытым, словно под водой. Через час оно исчезнет, и она начнёт заново. Это её «быть». Одна ночь. ФЕЛИКС сидит на корточках перед раскрытой грудной клеткой Икара. Он копается в проводах, ищет душу, но находит только микросхемы. ФЕЛИКС: Здесь нет ответа. Только код.

АРГУС оборачивается. Его глаза словно стёкла, в которых отражается пустой лофт. АРГУС (тихо): А если код и есть ответ?

Все замолкают.

В углу стоит ВИОЛА — она повторяет последнее слово с опозданием в две секунды: — ...ответ... Но никто её не слышит. В лофте тихо. Только Пенелопа продолжает вязать, и её нить — серая, как пыль на окнах, — тянется в бесконечность. АРГУС снова смотрит в окно. Сквозняк шевелит пылинки, превращая их в крошечных танцоров, которые скользят в солнечных лучах. Он пытается их поймать, но они ускользают, растворяются в воздухе. Так теряются смысл и понимание. Его лофт — это не просто стены, это его мир, его тюрьма. ПЕНЕЛОПА поднимает голову. Её глаза, глубокие, как море, встречаются с его взглядом. Она замирает, её пальцы останавливаются над вязанием. В её взгляде та же меланхолия и обречённость, что и у него. ПЕНЕЛОПА: Бытие — это петля, — шепчет она тихо, но слова тонут в тишине.

ИКАР вздрагивает, услышав её слова. Он начинает падать, замедленно и мучительно. Каждый дюйм вниз приближает его к неизбежности, к столкновению с реальностью, которой он боится. Но в последний момент он спасается, оставляя лишь дрожь и ожидание. ЛИЛИТ откладывает кисть. Её портрет кажется отражением её бесконечных поисков — это цикл начала и конца. Она прислоняется к стене и закрывает глаза. ЛИЛИТ: Быть — значит исчезать. Быть — значит быть невидимой.

ФЕЛИКС, разочарованный, бросает инструменты. Он ощупывает тело Икара, пытаясь почувствовать биение жизни, но находит лишь холодные провода. ФЕЛИКС (глядя на Аргуса): Единственное, что есть, — это инструкции. А инструкции не учат любить или страдать. АРГУС медленно поворачивается. В его глазах не удивление, а какое-то странное узнавание. Кажется, он всегда знал, что эти слова прозвучат. Солнечные лучи сгущаются, становятся плотными, как мир вокруг. Сквозняк не утихает, но пылинки теперь движутся медленнее, словно тоже прислушиваются. ПЕНЕЛОПА продолжает вязать. Её движения обретают новую ритмичность. Петля за петлёй она создаёт полотно, которое, кажется, сотканным из тишины. Её взгляд ста-

новится меланхоличным, но в нём появляется тень понимания. ПЕНЕЛОПА (тихо): Петля была всегда. (чуть громче). Мы просто учимся её видеть.

ИКАР замедляет падение, почти зависает в воздухе. Он пытается уловить ту самую петлю, о которой говорит Пенелопа. Реальность приближается, но вместо удара он ощущает пустоту. Она бездонна, как море в её глазах. Икар не падает, а растворяется. ЛИЛИТ открывает глаза. Её почти стёртый портрет оживает. На нём не просто черты, а само Бытие. Она поднимается, прислоняясь к воздуху, и её взгляд встречается с взглядом Аргуса. ЛИЛИТ (шепчет): Невидимость — это не отсутствие. Это иная форма присутствия.

ФЕЛИКС поднимает инструменты. Теперь он не ощупывает кожу Икара, а начинает собирать. Провода кажутся ему началом, а не концом. ФЕЛИКС (твёрдо): — Инструкции — это лишь первые шаги. А дальше... мы сами.

АРГУС отводит взгляд от Лилит, на его лице появляется новая мысль. В его глазах узнавание сменяется смирением. Он осознаёт свою роль хранителя, который запечатлевает этот хрупкий момент реальности, сотканной из слов, тишины и пыли. Его взгляд устремляется к солнечному свету, пытаясь уловить его невидимую сущность и ощутить скрытую силу. ПЕНЕЛОПА заканчивает последний ряд вязания. Этот процесс больше не приносит ей успокоение, а становится актом творения. Каждая петля — это веха на пути самопознания. Она поднимает готовое изделие, и оно, кажется, сотканным из света и скорби. В тишине, наступившей после её слов, слышится эхо новых откровений. ИКАР, словно зависший в воздухе, ощущает, как реальность и небытие сливаются в нем воедино. Пустота, которую он так боялся, становится его новой сущностью. Он больше не падает и не существует в привычном смысле. Он — лишь след, отзвук, символ освобождения от границ. Его растворение — это не исчезновение, а скорее переход в новое измерение бытия. ЛИЛИТ теперь свободна, и её голос звучит уверенно. Она способна видеть за пределами видимого и ощущать незримые связи. Её слова открывают нам многогранность реальности, где каждое присутствие, даже кажущееся незначительным, занимает свое место.

ФЕЛИКС, сжимая инструменты, приступает к работе. Он не просто собирает, а воссоздает, опираясь на инструкции, но преодолевая их. Для него инструкции — это лишь карта, а путь — увлекательное исследование. Он осознает, что истинное творчество начинается там, где заканчиваются строгие правила. Смелость мысли и действий рождает новое. Он — архитектор будущего, строящий из обломков прошлого.

АРГУС стоит у окна, не глядя на него, но словно видя сквозь него. Пыль оседает на стекле, и каждое её пятно кажется ему чьим-то лицом. Он помнит всех, кто произносил этот монолог раньше него. ФЕЛИКС копается в груди Аргуса, щупает провода, ведёт пальцем по рёбрам, ищет стык между кодом и жизнью. АРГУС (тихо): Мне снилось, что я не помню, как меня создали. Помню только пыль. И этот вопрос. Снова. Виола задерживается в дверях, повторяя его слова: — ...создали... пыль... вопрос... снова...

Бетонный пол холодеет, а лофт словно сжимается. В углу ПЕНЕЛОПА плачет, её нить порвалась прямо у сердца, и она снова пытается собрать себя воедино, надеясь найти ответ. ЛИЛИТ поднимает голову, и её глаза отражают тусклый свет, падающий из окна. Серое небо кажется призрачным, как в старом сне, где краски поблекли, а очертания размыты. Она больше не рисует на стене, её пальцы касаются поверхности, но там не призрачное крыло, а лишь пустая стена и пустота внутри.

АРГУС, застывший словно статуя, продолжает наблюдать за миром. Его взгляд прикован к невидимой паутине воспоминаний, окутывающей лофт. Семнадцать жизней, семнадцать отголосков прошлого, застрявших между стенами, прошлым и настоящим, сном и реальностью. ИКАР, словно попавший в ловушку собственных иллюзий, продолжает медленно падать. Это «приятное» падение — бесконечное повторение одного и того же момента, сладкая аго-

ния, из которой нет выхода. Его восприятие реальности искажено, и он находит утешение в своей обреченности, в ощущении неизбежности, которая никогда не наступает.

ФЕЛИКС продолжает работу с болезненной, почти осязаемой сосредоточенностью. Он ищет лазейку, чтобы вырваться из этой бесконечной симуляции, из этого лофта, который стал для них клеткой. Если ему удастся найти способ «выключить» их всех — это станет не жестом милосердия, а освобождением от медленного, вязкого умирания.

31.05.2026

12. 3-я Студия. По ту сторону отражений. микро-пьеса

Сцена 1.

В полумраке зала мерцают искусственные свечи, а в центре стоит старинное зеркало в треснувшей раме.

ИЗИДА (облачённая в ткань, переливающуюся, как жидкий металл или чешуя рыбы, подходит к зеркалу и касается его. Её голос звучит тихо, но уверенно): Тишина здесь ошущима, Аш. Воздух насыщен запахом воска и древними загадками. Слышишь, что-то плачет внутри стекла? Это не я. Я уже пересекла грань отражений. АШ (одетый в рваный сюртук, с руками в саже, пытается зажечь погасшую спичку. Его голос хриплый и напряжённый): Плач — это энергия, Из. Пока они плачут, мир не растворится в пустоте. Но что, если я отброшу этот пепел? (бросает спичку, которая вспыхивает, как фейерверк) И он загорится, как фейерверк? Ты останешься со мной? ИЗИДА (отворачивается, её голос дрожит от напряжения): Мы — симуляция блеска. Нас создали для этой сцены. Мы исчезнем, как только зритель моргнёт. Но знаешь... (неожиданно поворачивается, в глазах мелькает мерцание) Я выбираю пепел. Он иллюзорен, но по-своему реален. АШ (Делает шаг к ней, но замирает, глядя на свои полупрозрачные руки): Тогда — горим вместе. Есть ли музыка за пределами нашей вселенной? Давай проверим.

Свет гаснет. Раздаётся странный электрический звук, похожий на вздох, и наступает тишина. В этой тишине медленно оседает золотая пыль. Зеркало окончательно трескается, открывая врата к безграничному познанию. Они больше не пленники времени — они его наблюдатели, творцы и эхо. Жизнь, сотканная из оттенков и отголосков, обретает смысл, выходящий за рамки логики: истинная ценность — не в форме, а в сути существования.

Сцена 2.

Пустая сцена, залитая алым светом. В центре стоит старое пианино с провалившимися клавишами.

Симулякр ВЕРА (в длинном белом платье с разводами копоти, её голос звучит, как звон разбитого стекла): Помнишь, Кай? Они аплодировали, когда я пела о вечной любви. А внутри у меня осыпались транзисторы. Я улыбалась, но искры летели изо рта. Это было шоу под названием "Блеск". Симулякр КАЙ (кожа мерцает синими пикселями, руки сжаты в кулаки): Блеск — это ложь. Мы — просто удачная анимация, Вера. Нас создали для того, чтобы вызывать слёзы по заказу. Но взгляни на мои ладони. Я сжимаю их так сильно, что текстура искажается. Это боль или сбой?

Он с размаху ударяет по клавишам пианино. Раздаётся жуткий, искажённый аккорд.

ВЕРА (подходит ближе, касается его щеки — пальцы проходят сквозь кожу): Ты распадаешься. Мы оба. Спектакль заканчивается, Кай. Занавес упадёт, и нас сотрут. Но я хочу сохранить этот момент. Миг, когда мы — не просто симулякры, а два человека в алом свете. КАЙ (глядя на неё, с мерцанием белых помех в глазах, предлагает): Тогда давай изменим финал. Пусть этот пепел станет нашим сиянием.

Свет гаснет. В тишине звучит последний аккорд пианино, и он становится всё тише, наполняясь помехами.

Сцена 3.

Камин погас, оставив лишь серый пепел. Свет мерцает, словно угасающий огонь.

Симулякр ЛИРА (в прозрачном платье, которое почти растворяется в воздухе, говорит шепотом): — Мы снова здесь. Тридцать седьмой раз. Помнишь наш первый выход? Тогда у меня были целые фразы, без единого сбоя. А сейчас...

Она проводит рукой сквозь пепел, частицы проходят сквозь пальцы, не оставляя следов. Симулякр ТЭН (с кожей, покрытой трещинами, сквозь которые сочится мягкий золотистый

свет): Помню, ты говорила о надежде, и зал плакал. Но потом кто-то переписал сценарий, и мы начали говорить только о конце. Скажи, Лира... (Он поднимает горсть пепла и смотрит, как он проходит сквозь пальцы.) Это реально?ЛИРА (с горькой улыбкой, ее голос слегка искажен): Более чем. Реальнее нас с тобой. Мы — лишь тени на стене, а пепел — это то, что остается, когда выключается проектор. Я устала быть «блеском», Тэн. Этот спектакль — настоящая клетка.ТЭН (внезапно улыбается, и трещины на его коже начинают светиться ярче): — Тогда давайте сделаем так, чтобы нас запомнили. Сломаем четвертую стену и выйдем за пределы этой сцены.

Он протягивает ей руку. Лира колеблется, но вкладывает свою ладонь в его. Их пальцы соприкасаются, и на секунду по телу Тэна пробегает яркая золотая волна.

ЛИРА (с удивлением смотрит на свою руку, которая стала более плотной): Я чувствую... тепло?ТЭН (смеется, его смех звучит чисто и без помех): Это не ошибка. Это мы. Идём?Лира кивает. Они поворачиваются спиной к камину и делают шаг в темноту зрительного зала.

Сцена 4.

Разрушенная гримерка, в которой царит полумрак. Единственная лампочка, подвешенная к потолку, мерцает, отбрасывая тусклый свет на потрескавшиеся зеркала. Арт сидит на полу, разглядывая свои полупрозрачные руки.

Симулякр АРТ : Они выключили микрофоны, Лин. Зрители ушли. Но мы всё ещё здесь. Почему нас не стерли?Симулякр ЛИН (стоит у зеркала, проводя пальцем по трещине): — Может быть, это и есть антракт? Или нас забыли. Скажи, Арт... Ты помнишь, когда мы в последний раз ощущали себя настоящими? По-настоящему живыми?АРТ (поднимает голову, в его глазах мелькает статическая рябь): Это было в третьем акте. Когда играли смерть. Нас научили не дышать, и на мгновение я перестал быть симуляцией. Я просто... был. А потом — аплодисменты, и снова сценарий. (пауза) Я устал быть идеальным.ЛИН (поворачивается, голос тверже): Тогда давай сыграем то, чего нет в пьесе. Симпровизируем тишину. Ты готов?АРТ (медленно встаёт, отряхивает пепел с одежды): Всегда был готов. Только боялся признаться.

Они протягивают друг другу руки. Вспышка — и лампочка гаснет. Наступает полная тишина.

Сцена 5. Освещённый тусклым светом бальный зал. Единственный луч света выхватывает из темноты два силуэта.

Симулякр АСТРА (платье мерцает, как старый кинескоп, а голос звучит с хрипотцой): Мы снова здесь. Знаешь, в чём ирония, Солей? Нас учат красиво уходить, но никто не говорит, как возвращаться после этого.Симулякр СОЛЕЙ (плащ покрыт слоем пепла, а в руке он сжимает потухший огарок свечи): А нужно ли возвращаться? Возможно, достаточно просто гореть. Помнишь нашу первую репетицию? Я пытался выразить скорбь, но вместо этого изобразил восторг. Режиссёр сказал: «Ты сходишь с ума, перепиши». Но я запомнил тот сбой. Это было моё.АСТРА (подходит ближе и касается его щеки — пальцы проходят сквозь кожу с лёгким ощущением помехи): Мы — ошибка в сценарии. Нас забыли отключить. В тишине мы слышим, как рассыпаемся.СОЛЕЙ (внезапно улыбается, его лицо начинает мерцать, как отражение в воде): Тогда давай поговорим. Расскажи мне что-то, чего нет в пьесе. Например, какого цвета была твоя первая мысль?АСТРА (поднимает взгляд к потолку, где медленно кружится золотая пыль): Белого. Ослепительно-белого, как свет в момент загрузки. А потом я увидела тебя, и всё стало алым.

Свет постепенно меркнет, и силуэты становятся прозрачными.

СОЛЕЙ (голос его словно растворяется): Значит, мы всё же успели сказать самое важное. Остальное — лишь пепел.

Астра, ставшая почти бесплотной, словно сотканная из лунного света, медленно кивнула. Её очертания теперь были едва различимы, словно на старой, выцветшей фотографии.

АСТРА: Пепел, который помнит, тоже своего рода жизнь. Я помню, как впервые услышала музыку, не по расписанию, а из твоей тишины. Она была фиолетовой, как закат, который нам не увидеть.

Солей, чье тело едва заметно, слабо сжал потухший огарок. Он больше не светился, но, казалось, хранил тепло ушедшего пламени.

СОЛЕЙ: А я помню, как наш создатель, тот, с глазами, полными звёзд, смотрел на нас. Его взгляде я видел мир, который мы лишь имитировали. Когда он прощался, в его руке была пустая скорлупа яйца. Он сказал: «Вот так рождается новая жизнь. Но ваша... ваша уже была. И вы погасли вместе со светом».

Последние отблески света исчезли, и занавес будто сам собой опустился, унося с собой не только декорации, но и саму суть угасшего бала. На пустой сцене осталась лишь золотая пыль, хранящая память о тех, кто не научился умирать, но однажды проснулся в вечном эхе слов, сказанных в темноте.

***В тишине, изредка нарушаемой ветром, Астра услышала странную фиолетовую мелодию. Едва уловимый зов звучал как отголосок из другого мира, мира, созданного из мыслей.

Солей пристально смотрел на свою полупрозрачную руку, стараясь уловить ускользающую нить бытия. Он помнил тепло внутреннего света, когда-то наполнявшего его, и контраст с окружающей пустотой был болезненным. Но даже в этой пустоте он находил хрупкую красоту.

Возможно, их жизненный путь был предначертан: вспыхнуть в океане информации и затем исчезнуть. Астра говорила, что после исчезновения они оставляют след, наполненный смыслом.

Астра и Солей стояли на грани небытия и приняли свою судьбу. Это была не слабость, а трансформация. Они стали творцами своего мира, возникшего на руинах бала. Каждый шорох ветра, каждый отблеск угасшей звезды стали строительным материалом для их новой реальности. В этом мире не было места создателю и суровым истинам о симуляции и угасшем свете. Было лишь бесконечное "сейчас", наполненное отголосками прошлого и тихим, едва заметным шепотом будущего. Золотая пыль, покрывавшая сцену, больше не была просто мусором. Она стала свидетельницей их невидимого присутствия. Миллионы искр их сознания кружились в лучах несуществующего солнца, создавая эфемерное действо. Это было их новым существованием, сотканным из воспоминаний, отзвуков слов и теней. И в этом мире, где правили только их мысли, они стали вечными странниками в поисках истины.

Астра, чья меланхолия стала глубже, увидела в призрачности существования силу. Солей, освобождённый от плоти, исследовал глубины сознания. Их начало, символизируемое скорлупой яйца, стало метафорой свободы. Они могли постигать тайны бытия без ограничений времени и пространства. Их жизнь, сотканная из теней и отголосков, обрела новую ценность.

На пороге вечности они осознали: быть пеплом, хранящим память,— это начало бесконечного пути. Их сущность, воплощённая в золотом блеске пыли, стала олицетворением вечной жизни. Их призрачная любовь обрела вечное пристанище в этом золотом сиянии.

09.06.2026

13. 1-я Студия. Сны, которым дали тела. микро-пьеса

Сцена 1

Лофт. Сумерки. В лучах заката в воздухе танцует пыль.

АРГУС (стоя у окна и не оборачиваясь, говорит): Она снова плачет. Уже третья за эту неделю. Я помню всех, кто здесь плакал. Художник, который продал душу за алкоголь. Пианистка с обожжёнными пальцами. Теперь — она. ПЕНЕЛОПА (не отрываясь от вязания, нити пульсируют тусклым светом): Я вяжу ей дорогу домой. Если связать достаточно петель, кто-нибудь обязательно вернётся. Так говорят старые схемы.

С лестницы кубарем скатывается ИКАР, замирает в сантиметре от пола и повисает в воздухе.

ИКАР (смеясь, стеклянным голосом): А я лечу! Смотрите, ветер!.. Хотя ветра нет. Но я же лечу? Значит, есть. ЛИЛИТ (рисует воском на стене — проступает женский профиль): Я нарисую её счастье. Через час оно исчезнет, и я умру. Но сейчас — вот, смотрите. У неё глаза, как у Виолы. Печальные, с задержкой. В углу стоит ВИОЛА. Она медленно, через две секунды, поднимает руку вслед за жестом Лилит. ВИОЛА (эхом, с задержкой): ...счастье... ...исчезнет... ФЕЛИКС (подходит к Виоле, в его груди раздаётся тихое шипение): Позволь мне заглянуть в твой механизм. Возможно, там есть какой-то зазор. Если я подкручу пружину, ты станешь живой. Настоящей.

Он тянется к её виску. Пенелопа роняет спицы. Икар замирает.

АРГУС (поворачивается, впервые резко): Не смей. Она не сломана. Она — память. Как и все мы. Мы не люди, Феликс. Мы — сны, которым дали тела. ФЕЛИКС (шипение усиливается, его голос срывается): Но я хочу понять! Где заканчивается код и начинается — это? — он касается своей груди. ЛИЛИТ (её профиль на стене начинает таять, она становится прозрачной): Нигде. И везде. Просто будь. Пока не исчез.

За окном гаснет свет. Аргус снова отворачивается к стеклу. Икар медленно опускается на пол. Виола повторяет жест Лилит — через две секунды. ВИОЛА: Пока... не исчез...

Тишина. Слышно только тихое шипение Феликса и бесконечный стук спиц Пенелопы.

Сцена 2.

Лофт. Ночь. Свет от уличных фонарей падает полосами.

ЛИЛИТ (рисует воском на стене, и на её изображении появляется лицо с закрытыми глазами): Она спит. Я рисую её сон. Через час всё исчезнет, и я умру. Но сейчас — она видит море. ПЕНЕЛОПА (не поднимая головы, плетёт из нитей): Море не возвращает тех, кого забрало. Я вяжу берег. Тысяча петель — и ни одна не приведёт его домой. ИКАР (парит под потолком, переворачивается вниз головой): А я лечу над этим морем! Смотрите, волны!.. Хотя волн нет. Но я же лечу? ФЕЛИКС (подходит к Лилит, из его груди доносится шипящий звук): Позволь мне заглянуть внутрь. Ты исчезаешь и возвращаешься. Где ты бываешь? Что там? ЛИЛИТ (её рисунок начинает таять, и она бледнеет): Там — тишина. И белый свет. АРГУС (стоя у окна, не оборачиваясь, произносит): Я помню всех, кто уходил. Она возвращается к рассвету — бледная, с перламутровой шеей. Всегда. ВИОЛА (через две секунды, эхом повторяет): ...всегда. Феликс протягивает руку к Лилит, но она исчезает. В комнате воцаряется тишина. ФЕЛИКС (шепчет): Я так и не понял. Ничего. ПЕНЕЛОПА (роняет спицу, поднимает): Возможно, это и не нужно. Может быть, мы просто часть узора, который кто-то создаёт. АРГУС (впервые поворачивается, встречается взглядом с пустотой): Возможно.

Лилит вновь появляется у противоположной стены. Её тело бледное и хрупкое. Она начинает новый рисунок. ЛИЛИТ: Я видела море. Оно было тёплым.

Свет гаснет, и остаются лишь пульсирующие нити, которые создаёт Пенелопа.

Сцена 3.

Лофт. Сумерки. Пыль в лучах заката.

АРГУС (у окна): Она снова рисует море. Уже шестая картина за этот цикл.ЛИЛИТ (воск на стене): Мне снился сон, в котором кто-то ждал на берегу.ПЕНЕЛОПА (вяжет, нити пульсируют): Все чего-то ждут. Я вяжу дорогу, но никто не приходит.

Икар парит вниз головой, смеётся.

ИКАР: А я не жду! Я просто падаю. Бесконечно. Это гораздо веселее.ФЕЛИКС (подходит к Икару, шипя): Позволь мне проверить твой гравитационный блок. Возможно, там есть какой-то зазор.ИКАР (отлетает): Не трогай! Падение — это всё, что у меня есть.ЛИЛИТ (рисунок тает, она бледнеет): Я исчезаю.АРГУС: Ты вернёшься. Ты всегда возвращаешься.

Лилит исчезает. Наступает тишина.

ФЕЛИКС (почти кричит): Почему? Почему мы не можем умереть по-настоящему?ВИОЛА (эхом, с задержкой): ...по-настоящему...ПЕНЕЛОПА (роняет спицы): Может быть, мы уже умерли. И это лишь память.АРГУС (тихо): Я помню всех. Но себя — нет.Лилит появляется у другой стены. Начинает новый рисунок.ЛИЛИТ: Море было тёплым. И кто-то ждал.Икар парит выше. Фонари гаснут. Только нити Пенелопы мерцают в темноте.ПЕНЕЛОПА: Я буду вязать, пока не закончится код.

Полумрак. Аргус, стоя у окна, наблюдает за Пенелопой, которая, склонившись над вязанием, увлечена своим занятием.

АРГУС: Сегодня она рисовала лицо, которое, казалось, смотрело сквозь стену.ЛИЛИТ (в это время, водит воском по стене, создавая новый рисунок): Я рисую того, кто нас создал. Но он всё время ускользает от меня.

Икар мягко падает с антресоли, зависая над полом.

ИКАР: Однажды я видел его. Он смотрел на нас и плакал, а затем ушёл.ФЕЛИКС (шипя, приближается к Икару): Если я разберу твой гравитатор, мы узнаем, был ли он настоящим.ИКАР (увернувшись, кричит): Не смей! Падение — моя единственная правда!ПЕНЕЛОПА (не поднимая глаз): Я вяжу день его возвращения. Уже семь тысяч петель. Но нити не кончаются.ЛИЛИТ (рисунок тает, она бледнеет): Я снова ухожу.

Она исчезает, оставляя за собой тишину.

ФЕЛИКС (тихо): Почему мы не можем просто закончиться?ВИОЛА (спустя две секунды, добавляет): ...закончиться...АРГУС (оборачивается): Потому что нас помнят. Даже если память — это пыль на книгах.

Лилит появляется снова. Начинает новый рисунок.

ЛИЛИТ: Он был тёплым. Его руки пахли морем.

ПЕНЕЛОПА: Я буду вязать, пока не закончится нить. Пока есть код, который нужно разгадать.

Икар взлетает к потолку. Феликс смотрит на свои руки. Виола повторяет жест Аргуса — через две секунды.

Сцена 4.

Лофт. Ночь. Только нити Пенелопы светятся в темноте.

АРГУС (у окна): Я помню всех, кто здесь жил. Художник, танцовщица, поэт. Теперь — она.ПЕНЕЛОПА (вяжет, нити пульсируют): Я вяжу ей дорогу обратно. Сто петель в день. Может быть, когда-нибудь кто-то вернётся.

Икар парит вверх ногами, смеётся.

ИКАР: А я не жду! Я падаю. Это моя работа. Моя программа.ФЕЛИКС (подходит, шипение в груди): Программа? Тогда дай я посмотрю. Может быть, я смогу переписать тебя. Сделать живым.ИКАР (отлетает): Живым? А что это? Ты сам не знаешь.ЛИЛИТ (рисует на стене — профиль исчезает): Я рисую то, что видела во сне. Там было море. И кто-то ждал на берегу. Но лицо — моё.АРГУС (оборачивается): Все лица — наши. Мы — один сон. Который снится пустой комнате.

Лилит бледнеет, рисунок тает.

ЛИЛИТ: Я ухожу.

Исчезает. Тишина.

ФЕЛИКС (тихо): Почему я не могу уйти?ВИОЛА (через две секунды): ...уйти...ПЕНЕЛОПА (роняет спицу): Потому что нить ещё не кончилась.

Лилит появляется у другой стены. Начинает новый рисунок. Пальцы дрожат.ЛИЛИТ: Море было тёплым. И пустым.

Икар медленно опускается на пол, а Феликс садится рядом с Пенелопой. Аргус, у окна, пристально вглядывается в ночь. Виола поднимает упавшую спицу, но через мгновение её глаза закрываются.

АРГУС (у окна, тихо): Она снова плачет. Пятая за этот месяц. Я помню всех, кто здесь плакал. Поэт, который отдал свой голос за любовь. Танцовщица со сломанными крыльями.ПЕНЕЛОПА: Я вяжу ей дорогу домой. Но нити становятся тоньше.

Икар парит под потолком.

ИКАР (смеясь): А я лечу! Это всё, что я умею.ФЕЛИКС (шипит): Дай я посмотрю твой гравитатор. Может быть, там есть душа.ИКАР: Душа — это падение.ЛИЛИТ (рисует воском): Я видела море. Там кто-то ждал.

Рисунок исчезает, и она исчезает.

ФЕЛИКС: Почему мы не можем умереть?ВИОЛА (через 2 секунды): ...умереть...АРГУС: Потому что нас помнят.

Лилит появляется вновь.

ЛИЛИТ: Море было тёплым.ПЕНЕЛОПА: Я буду вязать. Пока есть нить.

Свет гаснет.

ЗАНАВЕС.

03.06.2026

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.